

84(2р=Банк)

Г 957

934142

ЭЛЬДАР ГУРТУЕВ

ТЕМИРБАШ

Издательство «Детская литература»

кв

ЭЛЬДАР ГУРТУЕВ

ТЕМИРБАШ

934/142

ПОВЕСТЬ

*Перевод с Балкарского
М. Парловского и Э. Гуртуева*

Москва
«Детская литература»

1981

Полтавско-Балкарская Государственная научная
БИБЛИОТЕКА имени Н. К. КАУЧУКОВОЙ
г.р. Нальчик, ул. Ногмола, 42

с(бэлк)д

С(Кав)?

195

Герой повести современного балкарского писателя Эльдара Гуртуева — Темирбаш — легендарный герой балкарского народа, участник гражданской и Великой Отечественной войн Магомет Османов.

Родился Магомет Османов в 1900 году в горном ауле Мухол в семье бедняка. С детских лет он познал нужду, тяжелый труд.

После установления Советской власти Магомет Османов среди защитников новой жизни, народной власти.

В годы Великой Отечественной войны он сражается в Советской Армии. Ему довелось пережить ужасы фашистского плена. Затем побег из концлагеря, участие в партизанском движении в Югославии. День Победы Магомет Османов встретил в Берлине.

Художник Г. АЛИМОВ

70803-083
M101(03)81 326-81

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.
Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.

I

Смуглый, черноглазый пастушок сидел на большом мшистом камне. Он звонко насвистывал веселую песенку, поглядывая на своих телят, и не сразу услышал цокот конских копыт.

Всадник вырос внезапно из-за желтой скалы и спешил в нескольких шагах от мальчика. На поясе его висел кинжал, на боку чернел наган, а к седлу была крепко привязана русская винтовка.

Мальчик испуганно вскочил, но незнакомец ласково остановил его:

— Не бойся, джигит, не бойся... Сиди, дорогой!

— А я и не боюсь,— ответил мальчик, внимательно разглядывая оружие незнакомца. Но садиться не стал.

— Как поживаешь, сынок? — спросил незнакомец, добродушно улыбаясь. — Что нового в вашем селе?

— Я даже не знаю, кто ты... О чем же мне с тобой говорить?

— Э-э... да ты, я вижу, умный малый и не трус... Ну что ж, хорошо. Давай знакомиться. Меня зовут Магомет.

— А ты правду говоришь? — оживился мальчик.

— Конечно,— сказал незнакомец.— Еще ни разу в жизни Магомет никого не обманывал! Разве только белых карателей...

— Я знаю, кто ты! — радостно воскликнул мальчик, и глаза его загорелись.— Ты красный партизан!

— Ты так думаешь? — снова улыбнулся Магомет.

— Конечно! Ты — партизан! И ты, наверное, слышал про Темирбаша?¹

— Темирбаш... Темирбаш...— незнакомец прищурился, словно припоминая.— Имя вроде знакомое...

— Еще бы! Кто не знает про подвиги Темирбаша!

— Ну, подвиги его не такие уж удивительные. Темирбаш не жалеет себя — это верно, но сражается он за народ, как и все партизаны.

— Сразу видно, что ты его плохо знаешь,— сказал мальчик, присев на камень.— Или ты ему завидуешь... Темирбаш самый сильный, самый храбрый! Ему ничего не стоит справиться с тремя, а то и с четырьмя деникинцами.— Пастушок оглянулся и понизил голос: — И еще говорят, голова у него железная — ни одна пуля не берет. И сабля тоже...

— Ну, это, брат, ты загнул,— засмеялся Магомет.— Голова у него не железная, а такая же, как у всех. Но вот то, что он не трус,— это верно.

— Он такой джигит, такой джигит! При одном его имени белые трясутся... Отец мне говорил: пока есть такие, как Темирбаш, никто Советскую власть не одолеет!

— А где же твой отец? — спросил Магомет, погладив пастушка по голове.

— Этого я не скажу,— шепнул мальчик.— Не положено...

Он испытующе взглянул на Магомета, помолчал немного и со вздохом добавил:

— А по правде сказать, я и сам не знаю... Но воюет он вместе с Темирбашем! Понимаешь?

— Конечно,— кивнул Магомет.— Я только не понимаю, почему ты о селе своем ничего не рассказываешь. Не доверяешь мне?

— Нет, что ты! В селе нашем белые. Дома жгут, людей убивают. И еще они пообещали много денег тому, кто поймает Темирбаша или скажет, где он находится.

— Значит, ищут Темирбаша?

— Никто не ищет! Никто! Радуются, что он жив... Понимаешь?

— Я все понимаю,— сказал Магомет и вдруг при-

¹ Темирбаш — железная голова.

ложил палец к губам. Погоди, мальчик... Обо мне — ни слова. Понял?

Он вскочил в седло и мгновенно скрылся за желтой скалой.

Через минуту на дороге появились двое всадников. Лениво покачиваясь в седлах, они приближались к скале. Пастушок не сводил с них тревожного взгляда: это были каратели. Неужели они заметят Магомета?

И вдруг, к его удивлению, Магомет сам поскакал к ним навстречу. Еще издали он окликнул их, и те остановились. Дальше все произошло так стремительно, что мальчик и ахнуть не успел. Ударом рукоятки нагана партизан оглушил одного карателя, выстрелом в упор сразил другого. Сняв с убитого оружие и прихватив за узду его коня, он погнал впереди себя раненого карателя. Поднявшись по крутой тропе к лесу, Магомет оглянулся, помахал мальчику рукой и скрылся за деревьями.

Раскрыв рот, пастушок изумленно смотрел ему вслед. Потом вздохнул и прошептал восхищенно:

— Темирбаш! Точно — Темирбаш!

И он не ошибся.

Долго радовались партизаны возвращению Темирбаша. Начались расспросы, смех и шутки — все восхищались его трофеями. Подходили и к пленному карателю. Тот стонал и бормотал что-то несвязное.

— Старайся не попадаться на глаза Батчаеву, — сказал вдруг Магомету один из его товарищей. — Не простит он тебе самовольного отсутствия!

— Ничего. Пошумит, поворчит, да и простит.

Он привел в порядок одежду и отправился к командиру.

— Послушай, Османов, когда ты прекратишь эти самовольные вылазки?

Коняк Батчаев остановился перед Темирбашем и в упор посмотрел на него:

— Не сердись, товарищ командир... — начал было Магомет, но Батчаев резко перебил его:

— Может быть, ты думаешь, что партизанский

отряд — это осенний базар в Нарсане? Или тебя тяготит воинская дисциплина?

Магомет молчал. Молчание это еще больше рассердило Батчаева:

— Давай договоримся. Или ты покончишь с абрексскими привычками, или ступай в другой отряд, где тебе всё позволят... Уж не думаешь ли ты, что твоя голова и вправду железная?

Командир помолчал немного и добавил уже спокойней:

— Мы одолеем белых, если будем воевать с умом и подчиняться железной дисциплине. Что же касается тебя, Османов, то, пожалуйста, не считай себя самым храбрым.

Магомет не выдержал и поднял голову.

— Не стыди, командир... Ты ведь сам говорил, что оружия мало. Вот я и привез две винтовки, два маузера и хороших коней впридачу. Так ли уж я виноват...

— Дорогой мой Магомет,— тихо сказал Батчаев, и голос его смягчился.— Риск риску рознь; слишком уж ты отчаянный. А я очень дорожу твоей головой! Но запомни: если такое повторится, можешь к нам не возвращаться. А теперь иди, отдохни хорошенько, товарищ Темирбаш-Телибаш¹,— улыбнулся командир.

Когда пленного карателя привели на допрос, он оказался более разговорчивым, чем можно было надеяться. Его сведения были настолько важными, что командир немедленно собрал ближайших помощников. Пригласил он и Темирбаша.

— Донесения нашей разведки полностью подтвердились,— сказал Батчаев. Он склонился над картой и провел карандашом по извилистой линии.— По этой дороге пройдет вражеский обоз с оружием и продовольствием. Пленный говорит, подвод не меньше десяти...

Теперь заговорили партизаны, каждый предлагал свой план. Молчал один Темирбаш. Выслушав всех, командир неожиданно повернулся к нему:

— А ты как думаешь, Османов, сможем мы отбить часть обоза?

— Конечно, сможем! — коротко ответил Темирбаш.

— В таком случае отбери четверых джигитов и

¹ Т е л и б а ш — дурная голова.

готовьтесь к заданию. Но прежде мы с тобой еще раз уточним все данные.

И они снова подошли к карте.

— Учти, что охрана у обоза серьезная,— сказал командир.— Но на крутом подъеме подводы будут идти медленно. Вот здесь, посмотри, большой отряд белых, а ниже — их разъезд...

II

Волком воют злые холодные ветры в ущельях.

Горная тропа крута и скользка. Темирбаш с боевыми друзьями не спеша, осторожно спускаются к дороге — конский топот и звук сорвавшегося камня далеко слышны в такое холодное утро.

Партизаны едут молча. Каждый думает о своем.

Магомет вспоминает слова Хаджимурата Асанова, сказанные им в памятный день на берегу Черёка: «Э, друзья мои, я-то с удовольствием променял бы дружбу с винтовкой на братство с доброй косой. Но раз пришлось взяться за оружие, надо быть достойным дела, за которое борешься...»

Так говорил Асанов, командир всех отрядов горной Балкарии.

— Что приуныл, Хасан? — спросил Магомет у загрустившего товарища.

— Белые арестовали отца, мать и младшего брата...

— Да, мой друг, от этих шакалов добра не жди. Знать, не так идут дела, как они хотели... Не горюй, Хасан, за все потребуем ответа.

Джигиты в засаде тихо переговариваются. Только ветер гуляет в пустынном ущелье. И вдруг с дороги донесся шум.

— Похоже, гости наши едут с подарками,— шепнул Магомет Хасану.— Приготовьтесь и помните уговор: вы ждете здесь, а я спущусь к последней подводе. Стрелять только тогда, когда услышите выстрелы. Понятно? Махну папай — разгружайте арбу.

И в тот же миг на дороге показались трое хорошо вооруженных всадников, а следом за ними подвода.

«Молодец мой пленный,— усмехнулся Магомет,— не подвел...»

На значительном расстоянии от первой подводы тянулась вторая, за ней третья, четвертая... На каждой сидел вооруженный возница, а на последней — двое.

У скалы дорога круто сворачивала, и подводы одна за другой скрывались за выступом скалы. Когда к повороту приблизилась последняя подвода, Магомет прищипорил коня и поскакал к ней. На Магомете был мундир белогвардейского офицера. Охранник испуганно отшатнулся и направил на него винтовку.

— Стой! Кто такой?!

— Я тебе покажу, кто я такой, сукин ты сын! Почему спишь? Голову оторву, болван!

Белогвардеец растерянно глядел на красавца офицера. А тот сорвал с пояса флягу и кинул ему.

— Только два глотка! Это не водка — спирт...

Измученный долгой дорогой, солдат жадно схватил флягу, но едва он поднес ее к губам — молниеносный удар в висок опрокинул его. Ездовой застыл с раскрытым ртом, не сводя глаз с револьвера, направленного в его грудь.

— Тихо, папаша, если жить хочешь,— сказал Темирбаш. Он махнул папахой — и трое молодцов, как из-под земли, выросли перед ним.

С двумя другими подводами было легче.

Партизаны быстро погрузили добычу на коней и исчезли в лесу.

Шумно и весело было в тот вечер в лагере. Молодые джигиты ни на шаг не отходили от Темирбаша.

— Скажи, Магомет,— спросил один из них,— а если бы тот ездовой поднял тревогу, что бы ты сделал?

— Ясное дело — дал бы деру,— улыбнулся Магомет.— Чего ж еще делать?

Все засмеялись, но юноша не отставал.

— Значит, ты, Магомет, умеешь и удирать?

— Как не уметь, если придется.

— А смерти ты не боишься? — не унимался юноша.

— Боюсь, братишка, еще как боюсь. Кто ее не боится? Разве только глупцы, которым невдомек, как мы будем жить после войны. Это будет настоящая жизнь, братишка! Ты вот, к примеру, женат? — неожиданно спросил Темирбаш.

— Нет,— смутился юноша.

— Так вот: как найдешь себе невесту, сразу мне сообщи. Сам ее привезу... А как я умею танцевать на свадьбах — ты еще увидишь. Так что я тебе еще ох как пригожусь!.. Ну как — по рукам?

— По рукам,— улыбнулся юноша.

* * *

Идет война, и кажется, что нет ей конца. Плечом к плечу стоят народы под красным знаменем революции. За вольную жизнь бьются сыны гор и степей. Беснуется коварный враг. Нелегкую войну ведут асановцы, и среди них — отважный воин Темирбаш.

В середине зимы из центрального штаба в отряд Батчаева поступил приказ перейти через горный перевал в Осетию. Трудно было Магомету расставаться с родной землей, но приказ есть приказ. И все же он решил поговорить с Батчаевым.

— Не сердись, командир, но я хотел бы остаться здесь. Если, конечно, разрешишь.

Конак Батчаев удивленно взглянул на Темирбаша.

— Уж не думаешь ли ты один воевать против белых?

— Нет, Конак, я не один. Разве мало настоящих джигитов в нашем ущелье! И мы сделаем все, чтобы не было покоя врагам, чтобы люди верили в победу.

— Понимаю,— сказал после долгого раздумья Батчаев.— Все понимаю, дорогой. Мы тоже едем не на курман-байрам¹, но боюсь я за тебя...

— Не бойся, Конак, я не собираюсь подставлять голову под пули врагов.

— Ну что ж, удачи тебе, мой друг! Береги себя... А мы обязательно вернемся, и очень скоро. Да будет наша встреча счастливой!

III

Ни в далеком ауле, ни в равнинных селениях не смолкают разговоры о героической борьбе партизан, о новых подвигах Темирбаша. Без промаха бьет врагов «красный

¹ Курман-байрам — религиозный праздник у мусульман.

призрак», как называют его деникинские каратели.

Хорошо известно имя Темирбаша в стане врагов. Горские князья бессильны что-либо сделать с этим «красным джинном».

Долго они думали и, наконец, придумали, как расправиться с Темирбашем. Их коварный замысел одобрил и ротмистр Серебряков.

Схватили каратели всех людей из семьи Османовых, приставили к ним часовых и вызвали старого Мусу — отца партизана.

— Послушай, Муса, если твой сын по доброй воле не придет к нам и не сложит оружие, все вы будете расстреляны. А если это произойдет, если погибнут из-за него невинные люди, ни аллах, ни власти не простят столь страшного преступления! Поэтому мы даем тебе срок — один день и одну ночь, а ты найди своего сына и передай ему наши условия. Если он их примет, ему, возможно, простят прежние злодеяния и даруют жизнь. Это тоже передай сыну.

Весь вечер просидел старый Муса в горьком раздумье и, наконец, решил идти в горы. Как он скажет сыну о родных, брошенных в тюрьму, о жестоком требовании врага? Вначале ему казалось, что если Магомет сдастся, его пощадят. Но чем ближе он подходил к партизанскому лагерю, тем тяжелей становилось на сердце старого Мусы: деникинцы, конечно, не сдержат слова, если Магомет окажется в их руках. И тогда он, старый горец, всю жизнь будет терзать и проклинать себя за этот роковой шаг.

Но так или иначе, с Магометом ему нужно встретиться. Быть может, сын найдет лучшее решение...

Крутая каменистая тропа вьется меж холодных скал, то исчезая в кустарнике, то вновь поднимаясь вверх — все выше и выше. Наконец показался сосновый лес, за которым уже недалеко было и до лагеря.

Нерадостной была эта встреча для старого Мусы. Глаза его были полны печали и горя, и не мог он взглянуть в лицо сыну, словно крепко перед ним провинился.

Все рассказал старый Муса. И о том, что всех Османовых бросили в тюрьму, и о жестоком требовании врага.

Призадумался Магомет. Он представил себе, как обрадуются Татука и Алимурза, он видел их наглые,

ликующие лица. Но еще сильнее жгла его тревога за судьбу близких людей, виноватых лишь в том, что он им родня.

— Не горюй, отец,— сказал Магомет твердо.— Выслушай меня... От белых пощады ждать нечего. Но до Нальчика путь не близкий... Кто знает, как обернутся дела. Так что не надо печалиться, отец. Недаром же меня зовут Темирбашем.

Но сердце старого горца полно печали и горя. Он знает о мужестве Магомета, но кому известно, что может ждать его сына в лагере врагов? Простившись, он виновато отвел взгляд и зашагал в обратный путь. Магомет смотрел вслед сгорбленной фигуре отца, и тяжкие думы роились в его голове.

Пройдя шагов двадцать, Муса обернулся. На краю скалы, словно выросший из этого векового камня, неподвижно стоял Магомет. По лицу старика покатались слезы: «Молю тебя, аллах, не сделай так, чтобы я его больше не увидел, не отнимай у меня любимого сына! Его вина лишь в том, что он посвятил свою жизнь борьбе за счастье обездоленных. Сохрани, аллах, моего сына!»

На следующее утро шестеро вооруженных деникинцев выехали из аула Мухол и направились в условленное место. Предводитель этого отряда князь Алимурза с нетерпением и тревогой смотрел на крутую тропу, бегущую к дальнему лесу.

Смутная тревога закралась в сердце князя. А вдруг Темирбаш придет не один?.. Уж князь-то хорошо знает, как метко стреляют красные мстители. Немало белогвардейских вояк нашли смерть в этих непокорных горах...

Никто и не заметил, как появился Темирбаш. С высоко поднятой головой шел он навстречу белогвардейцам.

— Обезоружить его и связать! — приказал князь, и в тот же миг солдаты бросились к Темирбашу.

— Не стоит волноваться, Алимурза,— усмехнулся Магомет.— Разве ты не видишь, что я безоружен и пришел по доброй воле? Сам себя не узнаю...

— Скоро узнаешь, собака! — презрительная насмешка Магомета привела в бешенство Алимурзу.— Крепче вяжите, крепче! — кричал он.— Настал тебе конец, разбойник!

Весть об аресте Темирбаша мгновенно облетела аул.

Тем временем люди Алимурзы уже сгоняли народ на площадь. Пусть знают все, что и легендарному Темирбашу не уйти от княжеской кары, пусть полюбуются на своего защитника!

Заранее было решено отвезти пленника в Нальчик и бросить к ногам самого ротмистра Серебрякова.

Как тяжкую беду встретили горцы весть об аресте своего любимого героя. Как спасти его, как вырвать из когтей карателей?

Связан и безоружен Темирбаш, и с каждым часом все меньше надежды на его спасение. Оттого и опечалены горцы, оттого угрюмы мудрые аксакалы¹.

Зато в стане тауби — князей — радость и злорадство: «Посмотрите на своего героя! Вот он, ваш орел! Еще не было такой силы, которая бы нам не покорилась...»

— И как это им удалось поймать Темирбаша? — спросил пастушок, испуганно прижимаясь к дедушке.

— Черта с два им удалось бы его поймать! Сам пришел. По доброте сердца, чтобы людей невинных спасти...

— А теперь его убьют, да?

Старик горестно покачал головой и вздохнул:

— Да поможет ему аллах избежать смерти...

— Вот он — убийца наших славных джигитов! — кричал князь Татука, тыча пальцем в Темирбаша. — Таких, как он, кровожадных абреков нужно всех до единого уничтожить! Очистим свою землю от врагов...

— Вот это верно, князь! — громко воскликнул Магомед. — Очистим, люди, землю нашу от врагов!.. Пусть каждого из них настигнет пуля карахалка!²

— Заткните ему рот! — вне себя зарычал Татука стражникам и выхватил револьвер.

Зашумела, грозно ошетибилась толпа:

— Крепче держи оружие, биев сын! Смотри не урони...

— Ай да храбрец, Татука, не боится связанного джигита!

— Встретились бы вы с Темирбашем на поле боя — мигом пришлось бы менять свои штаны!..

Видя, что дело плохо, Татука и Алимурза приказали

¹ А к с а к а л — буквально: белобородый; почтительное обращение к пожилому мужчине.

² К а р а х а л к — бедняк.

стражникам немедленно увести пленника, бросить его в погреб и выставить усиленную охрану. Сами же спешно убралась с площади в окружении солдат.

Вечером Магомета жестоко избили. Когда он лежал на земле, окровавленный, к нему вдруг подошел ухмыляющийся князь Татука и пнул ногой в живот.

— Ну что, презренный абрек, теперь ты доволен? Нам не трудно прикончить тебя сейчас. Но посуди сам, зачем нам марать руки твоей черной кровью? Бросим тебя к ногам ротмистра, как барана на курманлык¹, а? — Татука засмеялся. — Сколько он нас просил: «Дайте мне этого Темирбаша! Живого или мертвого, или хотя бы его голову!» А мы тебя — живьем, а? То-то он обрадуется...

Магомет с трудом поднял голову. Во взгляде его было столько презрения и жгучей ненависти, что князь не выдержал — отвернулся.

— Усилить охрану! — приказал он казакам. Потом подошел к ним и шепотом добавил: — Если убежит — пеняйте на себя! Понятно?..

Поздно вечером, оставшись один в своем кабинете, князь Татука задумался. И откуда у этих большевиков такая воля, такая уверенность в себе? Глупо, ведь храбриться, когда ждет тебя верная гибель. Неужто они всерьез надеются победить нашу огромную армию? А может быть, мы сами переоцениваем свои силы? Война все идет, но конца-то ей не видно... А если появятся другие Темирбашаи?

Князь Татука сокрушенно вздохнул и вытер платком вспотевший лоб... До чего же хорошо было раньше! Жизнь текла размеренно и спокойно, как река по равнине. И законы старины были незыблемы, как эти тысячелетние горы. Каждый знал свое место, и никто не противился судьбе. Золотые были времена...

А теперь? Грозный ураган пронесся по России и докатился до этих гор. Взятся за оружие карахалк.

Удастся ли вернуть в старое русло этот бушующий поток, кто знает... Что случилось с могучей русской армией? Почему генералы не могут справиться с этим сбродом?

¹ Курманлык — жертвоприношение.

Не находил князь ответов на свои вопросы, и в конце концов он решил, что самое лучшее — это хорошенько выспаться перед поездкой в Нальчик.

IV

На рассвете четверо стражников привели Магомета во двор и освободили от веревок туго стянутые ноги. Кровоподтеки и ссадины горели, словно посыпанные солью, связанные руки отекали. Но свежий морозный воздух постепенно возвращал его к жизни.

Он взглянул на небо и зажмурился от яркого утреннего солнца, от белоснежного сияния горных вершин. И вдруг он увидел в бескрайней небесной выси орла. Широко раскинув могучие крылья, орел неподвижно висел в воздухе, словно нарисованный на огромном синем полотне.

Надежда вспыхнула в груди Магомета; путь до Нальчика долг, друзья всё знают и всё сделают, чтобы вырвать его на свободу!

Угрюмо прохаживаются по двору стражники, бросая на пленника недобрые взгляды. Что и говорить, мало радости тащиться в Нальчик с таким «добром»... Кому охота подставлять головы под пули партизан?

Вдруг один из стражников подошел к Магомету вплотную и грубо дернул за веревки, словно проверяя, крепко ли связаны руки. Потом он наклонился и прошептал:

— Не теряй надежды... Держись, джигит!

Это был Маштай из Созаевых, про которого в селе поговаривали, что служит он у белых не по доброй воле.

Маштай хотел было еще что-то добавить, но в это время к воротам подъехали оба князя.

— Скорее! — закричал Татука стражникам. — Надо выезжать сейчас же, пока не все в ауле проснулись!

— Это верно, — согласился Алимурза, — слишком многие жалеют этого абрека. Да и путь в лесу небезопасен... — Он понизил голос и наклонился к уху Татуки: — Послушай-ка, мой друг, а не лучше ли прикончить его, как говорится, при «попытке к бегству»?.. Зачем искушать судьбу? Сказал же ротмистр: живого или мертвого... Какая разница?

• — Разница большая! — ответил Татука. — Если мы бросим к ногам Серебрякова живого Темирбаша, он это оценит. Да еще как оценит — сам знаешь.

Быстро оседлав коней, отряд тронулся в путь. Позади всех медленно шел Магомет, привязанный длинной веревкой к седлу Маштая Созаева.

Как-никак, решили князя, полтора десятка стражников — немалая сила. Хотя Алимурза в сердцах и заметил, что все они трусы и при малейшей опасности разбегутся, как овцы.

Тревожно озираясь по сторонам, с винтовками наперевес двигались каратели по горной дороге. И чем дальше уходила дорога от родного аула, тем ненавистней для них становился пленник, который свалился на их головы, как проклятие. Наконец, завидев вдали Голубое озеро, князя остановились и, отъехав от стражников, закурили.

— А все-таки, Татука, не лучше ли дать ему бежать... и отправить в ад?.. Глупое дело мы затеяли. Под Кашхатау — опасные места...

— Ты, кажется, прав, дорогой, не стоит рисковать, — согласился Татука. — Только не надо его убивать при «попытке к бегству», поверь мне. Самое лучшее — утопить в озере... А ротмистру доложим, что он сам бросился в воду.

— Хорошая мысль, — согласился Алимурза.

И по приказу князей стражники стали торопливо привязывать к шее Магомета большой черный камень. Но пока они возились с камнем, на дороге неожиданно показался старый Хаджимурза из Мокяевых. Просвященный и честный мулла пользовался в народе немалым уважением, хотя и не примыкал к «красным эфенди»¹, которые открыто заступались за всех обиженных.

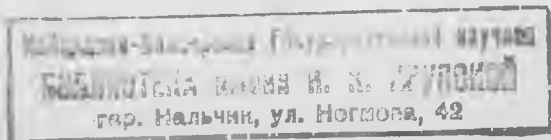
Поздоровавшись с князьями, Хаджимурза остановился и недоуменно взглянул на пленника:

— Чем заслужил этот несчастный такую кару? Что он сделал?

— Уверяю тебя, он заслужил гораздо большего, этот красный абрек, — отвечал князь Татука.

— Будь проклят его род! — вне себя воскликнул

¹ Э ф е н д и — здесь: мусульманский священник.

Алимурза.— Сколько славных воинов пало от руки этого злодея!

«Да это же Темирбаш! — вдруг вспомнил эфенди.— Магомет из Османовых, о котором слагают легенды, как о народном заступнике». Нет, не хотел старый мулла гибели отважного джигита.

— Что вы делаете, биевы сыновья, остановитесь!.. Разве можно осквернять наши воды кровью безбожника? Вы не должны его убивать. Только суд и справедливые законы шариата¹ должны решить его судьбу.

Так сказал эфенди Хаджимурза и, бросив на пленника пристальный взгляд, двинулся дальше по дороге в Бабугент. «Может быть, его посадят в тюрьму,— думал он.— Все же это будет лучше... А времена сейчас такие, что и тюрьмы разлетаются в прах. Все может быть...»

Растерявшиеся князя молча смотрели ему вслед.

— И откуда он взялся? Проклятый старик...— прошипел Алимурза.

— Окунуть бы и его заодно...— усмехнулся Татука.

— Будь он проклят! Слуга аллаха... Помнишь, как почтительно с ним разговаривал сам Серебряков? Этим старым кликушам доверяют больше, чем нам, князьям! Алимурза оглянулся.

— Ну, что уставились! — крикнул он стражникам.— На коней, бездельники! Живо!

Но неожиданно заупрямился Темирбаш:

— Послушай, Алимурза, дорога дальше трудная. Хоть убей — пешком не пойду.

— Что?! — князь хлестнул Магомета плетью.— Может быть, тебе моего вороного подать?

— Твоя воля, князь,— твердо ответил пленник.

— Ладно уж,— вмешался Татука.— Пусть сядет на коня — быстрее доедем.

Маштай посадил Магомета за собой, и всадники пустились вскачь. Впереди — Татука с Алимурзой, за ними — стражники. Отряд быстро приближался к лесу. Густые заросли орешника и молодых чинар вплотную подступали к дороге. Чуть поодаль стеной поднимались сосны.

¹ Ш а р и а т — совокупность юридических и религиозных норм, основанных на Коране, мусульманское право.

Неодолимая жажда жизни охватила Темирбаша, сердце его сильно забилося. Он был подобен стреле, до отказа натянувшей тетиву лука.

И вдруг Маштай незаметно коснулся рукой его колена:

— Пора, беги...

Впереди был крутой поворот, и стражники, забыв о пленнике, с опаской вглядывались в темнеющий лес.

— Скверное место,— проворчал Алимурза.— Это здесь красные ограбили обоз из Нальчика.

— Теперь-то они далеко...

Неожиданно грянул выстрел! Громовое эхо прокатилось по ущелью. Заржали кони, стражники как безумные стали палить кто куда.

— Убежал! Убежал! — кричал что есть силы Маштай и, повернув коня, снова и снова стрелял в лесную чащу.

Слева от дороги один из стражников увидел шапку Магомета и с глупой улыбкой показал ее Татуке. Но тот замахнулся на него плетью:

— Голова нужна, а не шапка, трусливые псы! В погоню!

Но куда бежать и где искать Темирбаша? Этого никто не знал.

— Прекратить стрельбу! — крикнул Алимурза и подъехал к Маштаю.

— Куда? Куда он бежал, продажная собака? Ответь!..— Глаза князя налились кровью.

— Кажется, влево...

— Кажется?! А может, вправо?

— Может, и вправо,— спокойно ответил Маштай.

— Предатель! — взревел Алимурза и выхватил револьвер.

Маштай вскинул винтовку... Но оказавшийся сзади Татука выстрелил ему в спину. Вздрыгнул конь молодого джигита; Маштай, выронив из рук винтовку, медленно сполз с седла. С трудом разжав побелевшие губы, он еле слышно прошептал:

— Темирбаш отомстит... За все...

В угрюмом молчании стояли стражники перед телом Маштая.

— Проклятый мулла...— процедил сквозь зубы Али-

мурза.— А мы-то, как глупые бараны... Позор! Что люди подумают, когда узнают обо всем?..

— Что скажет ротмистр! — в отчаянии воскликнул Татука.— Вот что главное!

V

Падая и снова поднимаясь, Магомет долго бежал через густые заросли. Выбившись из сил, он опустился на поваленное дерево и огляделся. Вокруг стояла мертвая тишина, погони не было.

Он попытался перетереть путы о дерево, но узел из сыромятного ремня только скользил по коре. Тогда он попробовал разрезать узел острым камнем, но ничего не получилось.

Силы стали покидать Магомета. Только бы не упасть, только бы дойти... Лес скоро кончится, а там и до лагеря недалеко. Внезапно он почувствовал, что грунт под ногами стал мягче. Неужели поблизости родник?.. Он внимательно оглядел полянку и заметил черный глаз родника. С трудом опустившись на колени, он склонился над водой и замер: из зеркально чистого круга на него смотрело распухшее, окровавленное лицо. Чужое, незнакомое...

Магомет припал губами к воде, но едва сделал несколько глотков — в глазах у него потемнело и он потерял сознание.

Очнувшись, он увидел над собой испуганное лицо мальчика и с трудом улыбнулся.

— Кто ты? — прошептал мальчик обрадованно, но, не дожидаясь ответа, вдруг вскочил, побежал за пригорок и вернулся с большим кувшином.— Сначала попей! Это — молоко. Недавно надоил...

Глотнув теплого парного молока, Магомет бессильно откинулся на спину.

— Разрежь эти проклятые ремни,— попросил он, отдышавшись.

Только сейчас пастушок заметил, что руки у незнакомца крепко связаны за спиной. Вытащив из кармана нож, он приподнял Магомета и ловко разрезал путы. Потом отступил на шаг и пристально глянул на Магомета.

— Где я тебя видел — никак не пойму! И голос знакомый, и лицо... Кто ты?

— Я и сам сейчас не знаю, кто я...— ответил Магомет.— Дай-ка мне кувшин, я еще попью.

— Подожди! Я принесу тебе чурек¹ и сыру. Мигом обернусь!

— Спасибо, дорогой. Если б не ты, пропал бы я.

— Вспомнил! Вспомнил! — вдруг с радостью воскликнул мальчик.— Ты из отряда Темирбаша! Помнишь речку Хиёу?.. Я еще пас телят, а ты ко мне подъехал... А потом ты напал на белых — одного уложил на дороге, а другого увел в лес. Верно ведь я говорю? — И, не дождавшись ответа, тихо добавил: — А Темирбаша увезли в Нальчик, чтобы замучить и убить...

— Нет, джигит, нет, дорогой,— улыбнувшись, ответил Магомет.— Его не убьют, ты о нем еще не раз услышишь...

— Правда? А тебя за что схватили? Как ты убежал? Ты не бойся меня — мой отец тоже партизан. А живу я у старого мельника Тебо.

— А где твоя мать, где родные?

— Убили... Всех убили. А дом сожгли,— голос мальчика задрожал, но он сдержал слезы.— Отца я давно не видел. Даже не знаю, жив ли он. Может, я совсем уже один остался... А старик Тебо — хороший. Так что пошли к нему, он тебя сразу вылечит!

— Спасибо, джигит,— сказал Магомет.— Только мне трудно сейчас идти, очень трудно. Вот если бы мне палку...

— Палку? Это — сейчас, мигом!

Когда старый Тебо увидел Магомета, он глазам своим не поверил. От неожиданности в первое мгновение он не мог и слова вымолвить. Потом крепко обнял гостя и усадил его на лавку, взволнованно повторяя:

— Тоба-астофирулах, тоба-астофирулах², мертвые стали подниматься. Сон это или явь?

— Рано хоронишь меня, добрый Тебо,— отвечал Магомет.— В гостях у белых я побывал, но, как видишь,

¹ Чурек — лепешка, хлеб.

² Тоба-астофирулах — восклицание, выражающее удивление.

живой... Не скажу, что здоровый, но живой. А что у нас-то слышно? Какие новости?

— Клянусь Кораном — ты бессмертен! — воскликнул Тебо, ласково разглядывая Магомета. — Я только утром приехал из Кашхатау, а там уже всё знают: что тебя топили — не утопили, судили — не засудили, стреляли — да промахнулись! Вырваться из рук головорезов Алимурзы, убежать от Татуки — если расскажешь, не поверят!

Быстро разожгли очаг, и, пока мальчик выпекал чуреки, старый добрый Тебо промывал раны Магомета, прикладывал к ним листья лекарственных трав с медвежьим жиром и быстро перевязывал бог весть откуда добытыми настоящими белыми бинтами.

Весело горит огонь в очаге, и вкусно пахнут горячие чуреки, испеченные в горячей золе.

Рассыпчатый овечий сыр, жареная козлятина да великолепный айран¹ располагают к неторопливой дружеской беседе. Беседуют старшие, а мальчик тихо сидит в сторонке и глаз не сводит с прославленного Темирбаша. И подумать только — он спас Темирбаша от смерти! Ему так хотелось, чтобы все мухольские мальчишки узнали об этом! Придет время, и все узнают. Правда, это будет не скоро, когда кончится война и не будет больше ни князей, ни их прислужников.

— Представляю, что делается сейчас в Мухоле, — довольно усмехаясь, говорил старый мельник. — Прихвостни Алимурзы, наверное, с ног сбились...

— А сюда они не догадаются заглянуть? — спросил Магомет.

— Вряд ли! А если сунутся, клянусь тебе и не хвастаю — глаз мой все еще зоркий, и винтовка бьет без промаха. К тому же есть у меня одна игрушка. Мне-то она ни к чему, а тебе пригодится... — Старик отодвинул большой камень в углу коша² и достал из ямы сверток. — Возьми, это тебе дар от старого Тебо!

И он протянул дорогому гостю новенький револьвер в красной кобуре.

— Хотел бы я сражаться с тобой стремя в стремя, да вот беда — стар стал, друг мой.

¹ Айран — кислое молоко.

² Кош — летняя стоянка пастуха на пастбище.

Взволнованный Магомет не знал, как и благодарить Тебо за бесценный подарок.

— Век тебя не забуду, аксакал! С именем твоим буду его носить и с именем твоим, Тебо, буду сражаться! Не подведу тебя... Мне бы вот только в Сары-кош добраться,— добавил он задумчиво.

— Не спеши, мой дорогой гость, отдохни пару дней, наберись сил... Ну, а в Сары-кош отправится пока наш юный джигит. Одного я тебя все равно не отпущу.

Бесконечно долго тянулось время для Магомета в гостях у радушного Тебо. Он часто выходил из коша и смотрел на близкие гряды гор... Вспоминал жаркие сражения в далекой Чечне, вспоминал лица боевых друзей. Гордые сыны гор, они мечтали о мирном труде. Но судьба повелела им сражаться...

Больше всего боялся Магомет, что война станет его профессией. И только одно утешало его, что не зря льется кровь крестьян-горцев; война все-таки кончится, и начнется новая жизнь.

И когда в коше у Тебо вместе с мальчиком-пастушком появился, наконец, долгожданный гость, Магомет крепко обнял товарища.

— Темирбаш! Живой! — взволнованно и радостно Хасан смотрел на своего друга. — А мы-то устроили засаду у Догжук-кабак, ждали тебя там день и ночь...

— Скажи, Хасан, — перебил его Магомет, — как там на фронте? Какие новости?

— Все хорошо, дорогой! Красная Армия наступает, и горцы наши сражаются, как львы. Поверь, недолго осталось до победы, и Балкария наша станет свободной! Недавно ездил я к партизанам в Сары-кош! — оружие им привез... Какие ребята!

— Хасан, дорогой, — взмолился Магомет, — прошу тебя, веди меня в Сары-кош!

— Потерпи немного, Темирбаш, подлечись. Насчет родных своих не беспокойся — все они в надежном месте.

— Ну пойми меня, Хасан, я не могу больше сидеть здесь, не могу!

— Ну что ж, воля твоя...

Они оседлали коней и попрощались с Тебо и мальчиком.

— Берегите себя, дорогие, и спасибо за все! До скорой встречи...— Магомет крепко пожал руку старику.

— В добрый путь! — ответил Тебо.— В добрый путь, друзья!

Он долго стоял на пригорке и, когда всадники исчезли за скалой, обнял мальчика за плечи.

— Вот и кончился наш праздник. Когда еще теперь будут у нас такие гости...

VI

— Знаешь, Хасан, я уже совсем не надеялся, что вырвусь из биевых рук. Все получилось так неожиданно... Ты помнишь Маштай из Созаевых? Такой был тихий парень и друзей вроде не имел. Все говорили, что его заставили служить в карательном отряде...

Хасан слушал Магомета, но смотрел куда-то вдаль, и лицо его все больше мрачнело.

— Подошел он ко мне: держись, говорит, не унывай! И от слов этих как-то сразу легче стало на душе, будто сил прибавилось... А потом, когда лесом ехали, слышу вдруг — шепчет мне: «Беги! Стреляю влево...» Спас меня Маштай, из петли вынул. Не знаю, где он теперь, но я обязательно должен с ним встретиться, Хасан.

— Не ищи с ним встречи,— с горечью сказал Хасан.— Нет его в живых — убили. Застрелили там же. Алимурза...

— Убили?.. Ты говоришь, убили?! — Магомет закрыл лицо ладонью.— Это правда, Хасан?

Перед его глазами стоял как живой Маштай — высокий, с открытым правдивым взглядом юноша. А в ушах все звучал его голос: «Держись, джигит, держись...»

Некоторое время они ехали молча, но вдруг Магомет резко остановил коня и сказал твердо:

— Хасан, я тебе не попутчик, поезжай один.

— Это как же понять? Ты что-то задумал, Магомет...

— Мне нужно рассчитаться с Алимурзой, Хасан!

— Это может стоить головы, если за дело не возьмется с умом. Успокойся, джигит... Алимурза, кстати, и сам жаждет встречи с тобой.

— Тем лучше!

— Только не забывай, Магомет, что война идет не

только между Алимурзой из Шакмановых и Магометом из Османовых.

— Э, Хасан, разве не ты говорил, что нельзя давать покоя палачам? Сердце сгорит в груди, пока не воздам этому тауби.

— Да, говорил. Но сначала доедем до коша. А там уж решим, как расправиться с этим шакалом.

Солнце уже залило малиновым светом острые вершины гор, когда путники достигли каменистой долины. Перед крутым подъемом решили сделать привал.

Сидя на черном валуне, Магомет задумчиво смотрел на горный поток. С пеной и грохотом вода катила тяжелые камни, билась о черные скалы. А посреди реки, на крутом утесе, стояла тонкая сосенка. Она раскачивалась и гнулась под холодными порывами ветра и, тут же снова выпрямляясь, тянулась к солнцу, к жизни.

«Вот так и мой непокорный народ,— думал Магомет.— Ни царские штыки, ни банды Деникина не заставили его склонить голову...»

— Не может быть, Хасан, чтобы страданиям горцев не было конца — наш народ достоин лучшей участи. Я верю, что счастье придет в наш край...

— Это главное, Магомет,— верить. Так-то, брат... Ну, а теперь нам пора — дорога дальняя, трудная.

Вскочив на коней, они тронулись в путь.

Вскоре начался крутой подъем — «козья тропа», как говорят здесь горцы. Кони шли не спеша, и всадники не торопили их. Раскаленный диск солнца скрылся за горной грядой — наступили сумерки. Трудная дорога не располагала к беседе, и всадники молча поднимались в гору. Наконец тропа свернула вправо и вывела их на широкое плато — слабое мерцание огней пробивалось сквозь туман. Это и был Нижний аул.

Издали донесся лай пастушьих овчарок, и кони, почуяв конец долгому пути, ускорили шаг.

Рыжебородый Махмут радостно встретил путников. Он пригласил их в большой и теплый кош, где уже суетился у очага его юный помощник Махсут. Магомет с удовольствием осушил гоппан¹ с айраном, поднесенный мальчиком.

— Ну что, джигит, как живется вдали от друзей? —

¹ Г о п п а н — деревянный сосуд.

спросил Магомет и усáдил Махсута рядом на лавку, покрытую мохнатой овчиной.

— Мне с дедушкой хорошо,— серьезно ответил мальчик, но в голосе его чувствовалось еще не забытое горе.— А в аул я не хочу, зачем мне туда...

— Сирота,— вздохнул Махмут.— Из Ульбáшевых. Сам он чудом жив остался: гостил у меня... А родителей белогвардейцы убили и дом сожгли.

Старик грустно покачал головой.

— А сюда не заглядывают каратели? — спросил Магомет

— С тех пор, как асановцы их потрепали, белые стали осторожней. Жестокости, правда, не убавилось, но далеко в горы забираться не рискуют. В Нижнем ауле недавно карательный отряд был. Большевиков не нашли, но их родственникам досталось. Какое это, друзья мои, страшное зрелище — виселицы среди пожарищ...

— Дорого нам приходится платить, но и ответят они нам сполна,— сказал Хасан.

— Вот вырасту — отомщу! — воскликнул мальчик.— За все отомщу!

— Это, брат, надо сделать раньше. Гораздо раньше.

В коше наступила тишина: все задумчиво смотрели на пылающий в очаге огонь.

— Скажи, тамада¹,— прервал молчание Магомет.— Для чего эта каменная стена внутри коша?

— Э, брат, это целая история,— ответил Махмут.— Это спасительные камни. Им уж добрая сотня лет. Многие помнят эти камни... Если бы они заговорили!

— Так заговори, тамада, за них,— попросил Хасан и, усевшись поудобней, приготовился слушать.

— В давние времена,— начал Махмут свой рассказ,— здесь, у Лысой скалы, было несколько кочевий. Тут и пастбища обширные, и трава сочная, и поэтому все соседи нам завидовали. А самым большим был вот этот Сары-кош. В тихие вечера здесь собирались на отдых косари и пастухи, слушали сказителей, певцов, беседовали. А вокруг паслись добрые отары овец.

Но однажды какая-то банда разбойников обстреляла кош. Кош он и есть кош — пули прошили его насквозь.

¹ Тамада -- почтительное обращение к старшему

И погибли все, некому даже было принести в аул эту горестную весть. Бандиты угнали стада и отары. Великое это было горе.

А когда через год здесь поставили новые коши, нападение бандитов повторилось. Много было слез и на этот раз, много осталось сирот. Эфенди считали нападение карой аллаха. Многие им поверили и не стали пасти своих овец и коров в этом «проклятом» урочище. Поверили, да не все. Юный охотник Шамсудин собрал своих друзей и поставил новый кош. Вот этот, где мы с вами сидим.

Старый Махмут задумчиво теребил свою рыжую бороду, а гости с нетерпением ждали продолжения.

— Так вот, этот Шамсудин соорудил каменную стену изнутри коша и уговорил односельчан пригнать на здешнее пастбище свой скот.

Мирно паслись стада и отары. И со временем забылось горе, жизнь шла своим чередом. Да только разбойники снова проведали о несметных отарах и табунах. И вот однажды, когда пастухи собрались в Сары-коше, они незаметно окружили его и открыли стрельбу. Решив, что в коше не осталось никого в живых, бандиты встали во весь рост и бросились вперед. Откуда им было знать про каменную стену?

«Подпустить их ближе!» — приказал Шамсудин своим молодцам, потому что в сумерках трудно было различить врагов. Прошло еще немного времени, и погруженный в тишину Сары-кош встретил ненавистных врагов дружным огнем. Шамсудин и его друзья не умели плохо стрелять...

С той поры никто уже больше не осмеливался нападать на Сары-кош.

Гости поздно легли спать. Наутро им предстояла новая встреча — в партизанском отряде.

— Спокойной ночи, друзья мои, — сказал на прощание старый Махмут.

Но для Магомета эта ночь не была спокойной. Все смешалось во сне: и смерть Маштая, и нападение на Сары-кош, и в красном пламени Нижний аул.

VII

Безлюдно в этот час в Мухоле. Не видно на улице жителей. И только какой-то мальчишка стремительно мчится к оврагу, где кончается село. Добежав до старой груши, он остановился.

Ждать ему пришлось недолго. Нарядно одетый всадник — в голубой черкеске и блестящих сапогах, с дорогим кинжалом на поясе — легко спрыгнул с коня и поздоровался с мальчиком:

— Салам алейкум, Кумук.

— Алейкум салам, Магомет.

— Какие новости?

— Сегодня тебе повезло. Хозяин дома. Один.

— Так ли уж один?

— Я проверил. Не то чтобы совсем один — во дворе огромная овчарка. Вот такая — с теленка. А люди обычно приходят к вечеру. Я не знаю, где они. Но телохранителей при хозяине сейчас нет. Куда ушли, когда придут — не могу сказать.

— Спасибо, Кумук. На этот раз придется все же навесить вашего тауби. Когда еще представится такая возможность... Ты, джигит, спустись к роднику и передай бородатому, что я пошел в гости. Пусть не беспокоится — я не задержусь.

Всадник вскочил на своего вороного и поскакал в село. Мальчик долго смотрел ему вслед, потом повернулся и побежал по тропке вниз к речке.

Большой, под железной крышей дом князя Алимурзы был окружен высокой оградой из тесаных камней. Железные ворота были украшены множеством затейливых узоров, возле ворот под огромным ореховым деревом виднелась конура собаки.

Мальчик оказался прав. Тишина вокруг была такая, словно все в доме вымерло.

В гостиной на мягком бархатном диване сидел хозяин дома — князь Алимурза. Он громко вздыхал — на душе у него было скверно. А все от проклятой водки, которой он напился вчера в гостях. И потом этот дурацкий сон на рассвете, и лицо Темирбаша, склонившееся над ним... Это был сущий кошмар.

Выпив еще одну кружку айрана, Алимурза немного

успокоился. Завтра он поведет карательный отряд в Горную Балкарию. Иного выхода нет. Да, он упустил своего пленника, но теперь привезет Темирбаша в наморднике, он не будет с ним церемониться. И если понадобится, сожжет всю Балкарию...

Алимурза тяжело поднялся и нервно зашагал по комнате, то и дело поглядывая на ковер, увешанный оружием.

Неизвестный всадник оставил коня недалеко от княжеского дома и одним прыжком перемахнул через высокую ограду. В тот же миг на него бросилась огромная овчарка. Схватка была недолгой. Вложив кинжал в ножны, Темирбаш вошел в дом. В первой комнате было пусто. Гость решительно распахнул дверь в другую комнату... Князь открыл глаза, поднял голову:

— Кто это? — спросил он устало.

— Твой ангел смерти! — громко сказал Магомет. — Вставай, Алимурза!..

Князь не узнал своего заклятого врага Темирбаша. Но, услышав его голос, он вздрогнул и побледнел.

— Судьба изменчива, Алимурза. Но она в конце концов принимает правильное решение... Вспомни замученных тобой горцев, вспомни Маштая из Созаевых! Вы хотели бросить меня к ногам палача-ротмистра, но его участь тоже решена. Ваше солнце закатилось, князь...

— Погоди, Темирбаш, не спеши! Я и сам знаю, что нам скоро конец. Но это — война, и я выполнял приказ... — Алимурза с трудом перевел дыхание, голос его дрожал. — У меня много золота. Возьми половину, а я уйду за перевал, в Турцию. Мы ведь мусульмане, одна земля нас вскормила, из одной реки пили...

— Это все, что ты хочешь сказать? — спросил Магомет.

— Я не трус, но я безоружен... Убивай, если хочешь! — князь судорожным движением разорвал рубашку. — Убивай, собака!..

— Не ты ли хотел утопить меня безоружного? А старики, которых ты приказал повесить, разве у них было оружие? — Магомет презрительно кивнул на ковер. Выбери, что хочешь, если ты мужчина...

Собрав остаток сил, Алимурза сорвал с ковра саблю и

бросился на Темирбаша. Но уже через мгновение он с хрипом повалился на пол.

Перешагнув через тело князя, Магомет быстро вышел во двор и приклеил к воротам листок бумаги, на котором было написано:

Такая же участь постигнет всех палачей народа!

Темирбаш

Потом он вскочил на коня и поскакал к реке, где ждали его друзья.—

Весть о смерти Алимурзы привела ротмистра Серебрякова в бешенство.

— Трусливые собаки! Разве вы воины? Вы — жалкие овцы, которые бегут от горстки абреков, называющих себя партизанами! — Он схватил за ворот офицера, сообщившего недобрую весть.— Дармоеды! Неужто вам не надоело быть битыми... Вы убиваете стариков и детей, а темирбаша режут вас средь бела дня, как баранов! Кто хозяин этой земли, черт возьми,— большевики или мы? При одном имени этого Темирбаша вы бросаете оружие и торопитесь сменить свои штаны. Так не лучше ли сменить их на юбки...— схватившись за голову, ротмистр тяжело опустился в кресло.— Средь бела дня убили и ограбили князя... моего лучшего друга.

— Простите, господин ротмистр,— осторожно перебил офицер,— его убили, но не ограбили.

— О чем ты болтаешь! Тот, кто вчера убил Алимурзу, может сегодня прикончить всех нас. Нет, голубчики, теперь я сам возьмусь за вас... Темирбаш должен быть схвачен или убит! К утру чтоб был готов план операции. В вашем распоряжении ночь. Думайте, если вы вообще способны думать. Дадим вам роту хорошо вооруженных солдат. Надеюсь, достаточно?

— Достаточно, господин ротмистр!

— И не будьте слишком сентиментальны. Жгите, голубчик, и пуль не жалейте. Избавьте, наконец, мои уши от этого слова — «Темирбаш».

Оставшись один, Серебряков перечитал донесение. «Каков джигит! Служи он мне, заменил бы всех этих дармоедов, которые больше думают о девках и водке, не-

жели о деле... Каков все-таки наглец, а? А этот растяпа тауби тоже хорош...»

При мысли о том, что он и сам может оказаться жертвой вездесущего Темирбаша, в горле у ротмистра пересохло.

· VIII

Красив был край, где раскинулось село Гожук. С утра и до вечера солнце заливало ярким светом небольшие домики и яблоневые сады. А в зимнюю стужу злые ветры обходили стороной благополучный Гожук.

Но в эти дни на улицах села видны лишь редкие прохожие. Да разве лихие казаки из карательных отрядов иной раз промчатся мимо с криком и гиканьем, наводя ужас на малых детей и старух.

Однажды к дому Жабоева подъехали два всадника от князя Трамова. Без стука ворвались они в дом, оттолкнув мать больного горца.

— Что ты разлегся, собачий сын! — закричал Жаммот, верный помощник князя. — Или думаешь, мы не знаем, с кем ты дружбу водишь?!

— Побойтесь аллаха! О чем вы говорите, — вмешалась старушка. Глаза ее были полны ужаса. — Нет у него никаких друзей...

— Не язык ли у него заболел, что ты отвечаешь за него? — прикрикнул на нее белогвардеец.

— Мать говорит правду... Что вам от меня надо? — Жабоев в упор посмотрел на княжеского служаку — Я ни с кем не знаюсь, ни с белыми, ни с красными.

— Ну хорошо, хорошо, — уже спокойней проговорил Жаммот. — Каждый человек нашего села должен быть или с белыми, или с красными. Иметь дело с красными не советую — это путь к виселице. Поэтому скажу тебе, как земляку, по-хорошему: завтра же явись в правление. Мы найдем тебе занятие, которое живо избавит тебя от твоей хвори.

— А что это за занятие? — насторожился Жабоев

— Придешь — узнаешь. Впрочем, могу тебе сказать. оденем с головы до пят, коня получишь, жалованье. — будешь служить в нашем отряде. Только не вздумай хитрить. Помни, время военное.

И Жаммот со своим помощником быстро покинули дом.

— О горе! — заплакала старуха.— Если ты пойдешь служить к этим головорезам, как я буду смотреть в глаза честным людям...

— Не горюй, мать. Лучше собирайся быстрее и уходи в Верхний аул к своей сестре. А я и не подумаю идти к ним служить. Недолго этим княжеским прихвостням глумиться над народом.

Рано утром князь Бекмурза Трамов явился в правление в отличном настроении: сегодня он соберет из молодых горцев отряд по меньшей мере в сорок сабель. Хорошее пополнение для карательного отряда из Нальчика — ротмистр будет доволен.

Усевшись за стол, Бекмурза стал писать донесение в Нальчик. У него был красивый почерк, и он всегда любовался изящными завитушками, выходящими из-под его пера. И еще он любил рисовать виселицы. «Лучшее зрелище для меня,— признался он однажды в кругу офицеров,— повешенный большевик».

Князь давно таил надежду стать верховным правителем Балкарии, а, кто знает, может, и всей Кабарды. Для этого нужно было только одно — выслужиться. И он старался изо всех сил.

Но время шло. А в списке, где числилось сорок призванных, стояли всего три отметки. Едва сдерживая ярость, Бекмурза потребовал к себе Жаммота.

— Ты что же, собачий сын, обманул меня! Где твое воинство?! — Кровь бросилась в лицо князю.— Предать огню дома тех, кто обманул меня. Кого застанешь дома — расстрелять! Я лично проверю, как ты выполнишь мой приказ.

Жабоев еще ночью покинул село и не видел, как горел отчий дом. Он долго искал партизан и наконец отправился в Шики, где жил Кязим из Мечиевых.

Многие люди горной Балкарии в поисках утешения и совета шли к мудрецу и поэту, хромому Кязиму из Мечиевых. Его стихи рассказывали о жизни горцев, полной нужды и унижений, и гневно бичевали знатных господ, которые наслаждались жизнью за счет простых людей.

Сложенная из плоских камней кузница стояла у подножия холма. Еще издали услышав звонкий стук мо-

лота, Жабоев остановился. «Удобно ли отрывать человека от работы?» — подумал он. Но, преодолев нерешительность, быстро взобрался по тропе и открыл плетеную дверь кузницы.

— Салам алейкум, тамада, пусть работа твоя принесет радость!

— Алейкум салам, джигит. Спасибо! Что же ты стоишь на пороге? Проходи,— сказал кузнец, глядя на гостя добрыми внимательными глазами.

Он легко, одной рукой, приподнял тяжелую скамью и поставил ее поближе к окну.

— Садись вот сюда, джигит. Я слушаю тебя.

— Я, наверное, помешал тебе, Кязим,— робко начал юноша.

— Ничего, не волнуйся. Гость, говорят, посланник аллаха...— Кузнец приветливо улыбнулся — видно было, что он и сам рад гостю.— Тяжело быть одному: рядом должно быть сердце, которое понимает тебя.— Кязим налил в чёмуч¹ айран из небольшого бурдюка.— Придет время, когда люди свободно будут ходить в гости и принимать гостей.

— Мне нужен твой совет, тамада,— сказал Жабоев.— Я ищу людей, которые ведут борьбу с белыми, хочу сражаться вместе с ними. Но как мне их найти?

— Ты молод, но речи твои достойны джигита.

— Кязим, я не могу больше смотреть, как жгут наши дома и мучают людей!

— Твое сердце полно справедливого гнева, и я хорошо понимаю тебя. Народ Балкарии переживает горестные времена. Наши храбрые юноши гибнут в огне священной войны...

И Жабоев взволнованно произнес известные стихи о горах, которые неподвластны жестоким бурям и вихрям: «Учись у наших гор...»

— Нет, сын мой, этого уже недостаточно,— сказал Кязим.— Человек, в свое время написавший эти стихи, многого еще не понимал. Он повидал немало и испытал немало, но истины еще не постиг. Да, много терпел наш народ, но всему есть предел! И теперь, сын мой, я говорю иначе...

¹ Чёмуч — деревянный сосуд.

Затаив дыхание Жабоев слушал призывные слова мудреца — взяться за оружие не ради кровопролития, а для борьбы за правду и справедливость.

Будьте верны той священной цели.
О свободе наши помыслы и мечты!
Неисчислимы наши силы,
И светел наш грядущий день.

— Ты призываешь к борьбе, Кязим!

— Да, дорогой, у карахалка нет иного пути. Не сразу я понял это, я ненавидел насилие и смерть... Но когда понял, то сам послал старшего сына Магомета в огонь народной войны,— голос его дрогнул, и он замолчал. Потом вздохнул и медленно, с трудом произнес: — Он погиб, мой сын... Погиб, как мужчина.

— Я пойду, тамада, и найду Темирбаша!

— Подожди, джигит, не надо торопиться. Темирбаш, я думаю, примет тебя в свою дружину. Но найти его нелегко. Я знаю человека, который поможет тебе с ним встретиться. Человек тот скоро навестит меня. Ты пока поживи у меня.

— Хорошо, Кязим! Спасибо тебе!

— Бери, джигит, молот. В труде и время скорей проходит, и счастье скорей приходит,— улыбнулся Кязим.

Весна была в разгаре. Окрестные холмы оделись пышным разнотравьем, и только в лощинах, куда не проникает солнце, все еще лежат клочки почерневшего снега. А из кузницы Кязима вновь доносится стук молота, и не слышно вокруг никаких других звуков.

IX

Рано утром, когда первые лучи солнца едва озарили вершины гор, возле кузницы Кязима остановился всадник. Внимательно оглядевшись, он соскочил с коня, снял с седла винтовку и направился в кузницу.

— Да принесет твой труд радость,— поздоровался гость, пристально поглядев на молодого помощника.

— Входи, Магомет, входи... А это, познакомься,

молодой джигит из Жабоевых. Он ищет Темирбаша, и ты, я думаю, поможешь ему.

— Не пожалей сил,— лукаво усмехнувшись, ответил гость,— ты же сам знаешь, аксакал, как нелегко это сделать.

— Ну что ж, дети мои, дело себя покажет,— ответил Кязим.— А теперь садитесь. Поедим как следует и поговорим о делах. Магомет, пожарь мясо — это у тебя неплохо получается...

— Охотно,— согласился Магомет,— я так его пожарю, что ханы нам позавидуют. Ну-ка, джигит, отгреби-ка сюда угольков пожарче!

— Давай-давай, Магомет, а то наш гость сильно проголодался.

«Как он похож на моего Магомета,— думал кузнец, ласково глядя на быстрые движения Темирбаша.— Такой же умный и отважный».

Когда гости попили-поели, поговорили о делах и собрались в путь, Кязим вышел их проводить.

— Побереги парня, Магомет. И себя тоже. Трудные времена настали, страшные времена, когда отцы переживают своих сыновей...

— Прощай, добрый Кязим. Спасибо за хлеб-соль, за песни твои спасибо!

— В добрый путь, джигиты, в добрый путь! Да не споткнутся ваши кони на крутой тропе! Да будет ваше возвращение радостным!

Кязим долго смотрел вслед удаляющимся всадникам, и утреннее солнце освещало его морщинистое лицо и сутулую фигуру. Кязим знал, какое нелегкое дело ждет двух джигитов и как опасен путь, на который они ступили. Но он также знал, что это — единственно верный путь.

— А ты хорошо знаком с Темирбашем? — спросил Жабоев своего спутника.

— Лучше, чем кто-либо,— улыбаясь, ответил Магомет.— Но скажи-ка, друг, зачем он тебе так нужен? Если ты горишь желанием сражаться против белых, можешь идти к партизанам.

— Партизаны далеко, а у меня дело срочное.

— Что же это за дело? — спросил Магомет.— Извини за любопытство.

— А дело вот какое,— ответил юноша,— князь Бек-

мурза совсем озверел: сжигает дома, ни старых, ни малых не жалеет. И я поклялся ему отомстить. Но сделать это непросто: после убийства Алимурзы Шакманова к Бекмурзе вовсе не подступиться. Вот я и хотел встретиться с Темирбашем — он лучше всех знает, как обламывать рога этим князьям.

— А знаешь, джигит, что этот бий обещал за ухо Темирбаша золотой кинжал, а за голову — своего коня,— сказал Магомет.

— Цена немалая, но кто за это дело возьмется? Темирбаш, говорят, неуловим, как ветер гор, а пуля его всегда минует.

— Ну это уж чересчур... Ранения у него есть — и сабельные, и пулевые, но пока жив.

— Шрам от сабли и у тебя есть,— сказал юноша, глядя в лицо Магомета. И вдруг спросил: — А ты, случайно, не Темирбаш?

— Во всей Кабарде и Балкарии нет тауби более жестокого,— продолжал Магомет, не обращая внимания на вопрос своего спутника.— Нам всем ненавистен этот князь. Народ уже вынес ему свой приговор, а теперь его надо привести в исполнение... Белые нас называют абреками и разбойниками, красными бандитами. Но мы, красные партизаны, боремся за Советскую власть и делаем все, чтобы поскорей пришла к нам Красная Армия. Весь народ ждет этого дня.

— Я думаю точно так же, Магомет,— горячо ответил юноша.

— Тогда, мой друг, пойдем на князя вместе — стремя в стремя. И я потребую с него обещанного... Вот мое ухо, вот голова — Темирбаш перед тобой.

— Так ты и есть Темирбаш! — воскликнул Жабоев, восторженно глядя на Магомета.— Это правда?

— Правда,— ответил Магомет.— Только перестань меня рассматривать, как свекровь молодую невестку.

— Вот это да! — радостно произнес юноша.— А я еще в кузнице к тебе присматривался. И Кязим так загадочно говорил...

Магомет улыбнулся. Он и сам слышал немало рассказов про Темирбаша. В горах ведь так: добро ты совершил или зло — из уст в уста пойдет молва, и не сразу разберешь, где домысел, а где правда. Пусть видит народ,

что князя не всесильны, что их кони тоже могут спотыкаться.

— Вот что, дорогой мой,— сказал Магомет серьезно,— прежде всего навестим старого друга Тебо, а там видно будет.

— А может, я один пойду на Трамова,— вдруг предложил Жабоев.— Стреляю я неплохо и в седле сижу не хуже других...— он вопросительно взглянул на спутника.

— Это хорошо,— ответил Магомет,— но в нашем деле еще и соображать надо. Видишь тот мост?

— Вижу.

— А мы по нему не пойдём.

— Почему же?

— Его охраняют, он на прицеле. Вон там за скалой и охрана...

Жабоев смутился.

— А мы их шлепнем, и все!

— К чему нам лишний шум? — сказал Магомет.— Давай-ка перейдем реку выше моста — вон там, у излучины.

Старик Тебо сердечно обрадовался гостям и стал их угощать свежей козлятиной, рассказывая при этом о своих приключениях на охоте. Тебо считался бывалым охотником и рассказывал вполне «по-охотничьи»: очень трудно было понять, что с ним произошло на самом деле, а чего и не было вовсе. Магомету приходилось слышать от охотников рассказы и похлеще, поэтому он слушал старого друга терпеливо, удивляясь там, где нужно было удивляться, и смеясь, где положено.

— На тебя, Магомет, между прочим, тоже охотятся,— вдруг прервал свой рассказ Тебо. Теперь он был уже серьезен.— Твоя голова оценена в пять тысяч. Это немало,— деловито заметил старик.— А Трамов за твою голову коня и кинжал обещал.

— За голову с ухом,— уточнил Магомет.

— Так что скоро тебя будут называть не Темирбашем, а Алтынбашем¹. А теперь попейте этого айрана — сразу станет веселей. Пей, пей, джигит из Жабоевых. Помню, приезжал к нам твой родственник Жаммё. Вздумали

¹ Алтынбаш — золотая голова.

мухольцы над ним подшутить — угостили горячим чуреком и маслом. Сколько Жамме ни старался, а захватить масло горячим чуреком не мог. Тогда он вытащил из очага чурку, быстро выстругал из нее ложку и съел все масло, а ложку подарил обескураженному хозяину.

Посмеявшись, Тебо серьезно произнес:

— Князь Трамов скоро вернется из Налъчика... Так что ждите карателей...

— Ты хорошо осведомлен,— заметил Магомет.

— Не я — мой друг кумык, с которым мы вместе учились в медресе¹.

— Так, так,— усмехнулся Магомет.— Княжеский конь и кинжал — это хороший подарок. Ну что ж, джигит, попытаем удачи?

Х

Долгая и жестокая война приближалась к концу. Красная Армия громила деникинцев в Дагестане, успешно наступала в Чечне. Эскадроны Катханова и Ульбашева, Карашаева и Батчаева беспощадно разили врага.

Пуще прежнего беснуются горские князья и их покровители — белогвардейские генералы. Рвет и мечет ротмистр Серебряков. До сих пор не удалось усмирить горцев Балкарии и Кабарды.

Вот почему даже князь Трамов вошел в кабинет Серебрякова, дрожа от страха.

Робко поздоровавшись и пожав холодную руку ротмистра, князь осведомился о его здоровье.

— С вами не только здоровья, но и головы недолго лишиться,— холодно ответил Серебряков и уселся в кресло.

По всему было видно, что душеприятного разговора не будет. Но Трамов старался держаться с достоинством.

— Я хотел спросить вас об одном, князь,— тихо начал ротмистр.— Не однажды я слышал от вас, что с партизанами в вашем ущелье покончено раз и навсегда. Если это так, то кто напал на обоз с оружием для гарнизона, а потом обстрелял и гарнизон? Быть может, злые

¹ Медресе — средняя (реже высшая) религиозная мусульманская школа.

духи? Или камнепад обрушился на моих карателей?.. Подумать только, какой-то абрек в одиночку, среди бела дня расправился с Алимурзой Шакмановым и ушел себе преспокойно... А не кажется вам, мой дорогой, что теперь настала ваша очередь?..

Трамову стало не по себе. Он беспокойно заерзал в кресле, но не решился перебить разгневанного ротмистра. Он понимал, что самое лучшее сейчас — слушать и молчать. Да и как тут возразить? Сказать, что солдат не хватает по милости ротмистра, что нужна помощь? Одно было ясно Трамову — надо уничтожать не только большевиков, но и тех, кто им сочувствует. А что касается Темирбаша, то это уж извините... Князь Трамов не из тех, кого можно прирезать, как барана. Он еще покажет этим холопам! Никому пощады не будет. Если ротмистр не даст людей, друзья помогут. А оружия хватит на всех.

* * *

В селении Гожук дом Трамова выделялся не только своей железной крышей, высокой каменной оградой да коваными воротами. Его охраняли двое казаков и доброволец из родственников самого князя. Недаром говорили, что в дом тауби не войдешь, а войдешь — так не выйдешь.

— Князь-то наш опять задержался, — сказал часовой помоложе. — Не иначе как на курманлыке у своих кабардинских друзей.

— Кто его знает... Может, у них, а может, в гостях у офицеров гарнизона. Знай себе веселится. А мы тут, как псы какие...

— Э-э, ты уж слишком... дай-ка папиросу — мои кончились.

— У меня самосад.

— Давай, все равно.

— Пока князь-то шляется...

— Не наше это дело...

— Может, оно и так, но у меня в животе будто камни в пустой бочке громяхают. И за что напасть такая! А может, зайдем в какой дом, поедим? Что толку от этого бестолкового хождения взад-вперед. Добрый хозяин в

такую пору собаку на улицу не выгонит. А голод, брат, не тетка...

— Много болтаешь, старина... Подождем, приедет князь — может, и нам что-нибудь подбросят.

— Как собакам... А ведь большевики, если придут, не станут разбираться, князь ты или его охранник. Раз белый — становись к стенке.

— А ты откуда знаешь, что они придут, большевики-то?

— Знаю... Торговец один из Осетии рассказывал. Асановцы, дескать, скоро придут сюда, да не отряд, а целое войско. Мы-то подумали, что он — лазутчик красный, да и всыпали ему как следует. Но потом оказалось, что он, бедолага, взаправду бежал от красных.

— Хоть мы не князья и не офицеры, а отвечать будем с ними вместе. Эх, зря мы позарились на казенные харчи и одежду...

— Что верно, то верно. Потом ведь не докажешь, что мы никого не убивали.

— Убивать — не убивали, а красного петуха пускали. Поди, не один дом сожгли.

— Ты брось, я в этих делах не участвовал...

— А помнишь, когда Темирбаша искали?..

Издали донесся стук копыт — это возвращались Бекмурза и шестеро сопровождавших его всадников. Судя по шумному их поведению, все были навеселе. Это еще больше разозлило охранников, но они все же поздоровались с хозяином, хотя и не получили ответа.

Всадники тут же распрощались и ускакали, а старик, который суетился во дворе, мигом открыл ворота. Князь кряхтя слез с лошади и вошел в дом. «Надо хорошенько отдохнуть, отдохнуть, отдохнуть», — напевал он себе под нос. Завтра предстояла большая работа, завтра в родном селе Темирбаша он устроит такой «байрам», о котором долго еще будут помнить. Ротмистр будет доволен.

Трамов повесил револьвер и кинжал на спинку кресла и уселся на диван.

Уже ярко светились в небе близкие звезды и равнодушно взирала на землю холодная луна, когда к дому князя прискакали двое белогвардейских офицеров. Охрана преградила им путь:

— Кто вы и по какому делу?

— Доложите князю — депеша из штаба командования. Да поживей! — властно приказал офицер.

— Давайте пакет, ваше благородие, я передам, — тихо сказал охранник. Ему не хотелось беспокоить князя в столь поздний час.

— Ты что, болван, не знаешь, что депешу положено вручать лично?! — рассвирепел офицер и, повернувшись к адъютанту, процедил сквозь зубы: — Набрал князь всякого мужичья...

— Виноват, — пробормотал солдат и подал знак внутренней охране, чтоб впустили офицера.

— Жди меня здесь, — велел офицер адъютанту и, спешившись, направился к дому.

— Салам алейкум, князь! Прости за поздний визит. Еле прошел через твою охрану. Тебе пакет.

— Алейкум салам, — ответил князь, зевнув. — Что там еще стряслось...

Он небрежно разорвал большой желтый пакет с сургучами, но, прочитав всего три строчки, вздрогнул как ужаленный и уставился на гостя. В руке офицера тускло блестел револьвер.

Князь Бекмурза, вознаграждение за голову и ухо Темирбаша просим вручить подателю сего, ибо он и есть Темирбаш. Заодно получи и свою долю.

— Встать, господин Трамов! — приказал офицер. — Выслушай приговор Советской власти, ты, жесточайший из всех князей! За смерть ни в чем не повинных людей, за слезы осиротевших детей ты приговариваешься к смертной казни. От имени революционного комитета Красной Балкарии — партизан-большевик Магомет Османов!

Бекмурза рванулся к креслу, на котором висело оружие, но Темирбаш опередил его — раздался выстрел...

Во дворе на прежнем месте стоял молодой адъютант.

— А охранник где? — спросил Магомет.

— Услышав выстрел, бросился к дому. Пришлось его остановить... Думаю, не скоро очухается.

Вскочив на коней и небрежно отдав честь казакам, они умчались в ночную тьму.

I

Весна двадцатого была на редкость дружной и теплой. Талые воды вспенили, закружили горные реки и понесли свои крутые, вихрастые волны на равнину. В эту пору ущелья сотрясаются от грохота сталкивающихся камней и окрестности наполняются запахом каменной гари. Альпийские луга, что бездыханно лежали под белым спудом, вдруг дружно покрылись ярким ковром разноцветья, а леса окрасились нежной зеленью.

Даже аксакалы и те не помнили такой бурной, неистовой весны. Сами горы словно распрямили могучие плечи, словно излечились от тяжелой хвори, глотнув целительного воздуха высоты.

А весна и впрямь была необычной. Озарились хмурые лица в предчувствии близкого счастья, зазвенели на улицах и дворах веселые детские голоса, а из труб крестьянских домов повалили клубы бархатно-черного дыма. И опять у жарких очагов появились чурек и теплое молоко; и опять усталый путник мог рассчитывать на тепло и уют.

Новая жизнь пришла в Балкарию.

А в Нальчике и в Баксане, на Тереке и в Балкарии, в Малой и Большой Кабарде — всенародное ликование. Горный край встречает своих джигитов, очистивших Кавказ от белогвардейской скверны. Извлекаются скудные запасы масла и сыра, в огромных котлах варят бузу¹, а аксакалы радостно суетятся в заботе о шашлыке.

¹ Буза — хмельной напиток из проса.

В горном селе, где жил теперь Тебо, было шумно и весело. Прохаживаясь по селу, Магомет беседовал со своим старым другом. Вдали показались всадники. «Должно быть, гости»,— решил Магомет. И вдруг в лихом джигите, гарцевавшем впереди, он узнал Конака Батчаева. Не успел он прийти в себя, как Батчаев, прыгнув с коня, бросился к Магомету.

— Родной мой, Темирбаш, ты ли это?!

— Я, Конак, я. Дай лучше разглядеть тебя!

Они смотрели друг на друга и вновь обнимались, крепко хлопая друг друга по спине.

— Ах, шайтанов брат, как я рад, что ты живой! Сколько же веков я тебя не видел?

— Много, Конак, очень много. Но ты все такой же, наш командир, ничуть не изменился.

— Как я рад, что ты жив, Темирбаш! — все повторял Конак Батчаев, обнимая своего старого друга.

Не замечая окружившей их толпы, они громко смеялись, расспрашивая друг друга о разном.

— А знаешь, Магомет, я даже в Дагестане слышал о цене, которую белые назначили за твою голову!

— Верно оценили-таки голову. А то, знаешь, было обидно...

— Слышал, что ты сильно досаждал им. А когда узнал, что враги оценили твою голову, обрадовался — значит, жив Темирбаш, воюет мой братишка!

— По правде сказать, Конак, в одиночку ничего не получилось бы. Попал я однажды к биевым сынкам в лапы. Ну, подумал я, плохи мои дела: пристрелят, как фазана, а то еще хуже — болтаться мне в петле. Но выручили меня друзья: и эфенди Мокаев, и Маштай Созаев, и Тебо со своим помощником — все мне помогли. Кто я, Конак, без них?

Долго еще вспоминали они боевых товарищей, погибших в борьбе с врагами. Перед их глазами вновь возникали родные, живые лица Бисолтана Таулүева, Хамзата Тетүева, Жунүса Казакова, Таусо Токлүева, Кичибатыра Карабашева...

— Нет теперь среди нас лучшего — Хаджимурата Асанова.

— Да, погиб наш боевой командир,— погрустнел Конак.— Всех нас берег, а себя не уберег.

II

Рады жители горного села приезду дорогих гостей вместе с Конаком Батчаевым. Но не меньше обрадовались они приезду поэта и певца Кязима Мечиева.

И стар и млад собрались на сельской площади. Аксакалы расселись на скамьях, наскоро сколоченных чернотысьми джигитами, а юноши, словно орлята, расселись по камням, подложив под себя бараньи папахи. Даже застенчивые горянки и те пришли на собрание и столпились поодаль пестрой стайкой.

Конак Батчаев говорил о мужестве и страданиях народа, о том, как надо строить новую жизнь. Он говорил о партии большевиков, и о великом защитнике обездоленных — Ленине.

И тогда вышел Кязим.

Все затаили дыхание. Лишь издалека доносился мерный шум горного потока да шелестела листва на могучих чинарах.

Кязим внимательно оглядел из-под мохнатых бровей притихших людей и, набрав полную грудь воздуха, произнес вдохновенные стихи о большевиках, разбивших оковы неволи, об освобожденном народе.

Впервые чувствовал старый поэт вокруг себя такую огромную волну людской радости. Он был взволнован до глубины души.

— Еще, Кязим, еще! — попросил один из аксакалов.

— Скажи, тамада, еще, — попросил и Магомет. — Про нашу власть Советскую скажи!

— Хорошо, Темирбаш, хорошо, друзья мои.

Кязим слегка прищурил глаза, погладил бороду и произнес слова, которым вскоре суждено было стать девизом горцев:

Советская власть — могучее дерево,
Нужно хранить и беречь это дерево.
Советская власть — наша надежда и опора,
Напрасно беснуются враги этой власти.

Наступили сумерки, и с гор повеяло прохладой. Но не почувствовали ее джигиты и аксакалы, успевшие испытать

из черных чѣмучей и гоппанов великолепной балкарской бузы.

А вскоре тут же, на площади, начался долгожданный той¹. Никто и не заметил, откуда появился гармонист. Он уселся на стул, коснулся длинными пальцами перламутровых кнопок, и полилась, засверкала знакомая мелодия. Сначала робко, осторожно, словно ручей, нащупывающий свой путь, потом все шире и стремительней, вовлекая все новые звуки в торжественный, искрометный исламѣй.

Нет, не разучились джигиты танцевать. Только неловко первым выйти в круг после долгого перерыва. Юноши подталкивают друг друга. Оживились и стройные горянки, которые стояли в стороне, прикрыв губы уголками платков.

— Ну-ка, Магомет, докажи всем, что красные партизаны умеют не только метко стрелять,— попросил друга Хасан.

Но взор Магомета был обращен в сторону юной стройной горянки, которая, заметив его пристальный взгляд, нет-нет, да глянет на него и одарит улыбкой.

— Я уж потом,— смущенно ответил Магомет.

— А я думаю, что сейчас в самый раз,— лукаво улыбнулся Хасан.

И, схватив Магомета за локти, Хасан вытолкнул его в круг. Магомет сердито оглянулся на друга, но вокруг уже начали хлопать, и он понял, что отступать поздно.

Магомет сделал несколько шагов, словно пробуя прочность площадки, подал знак гармонисту, глаза его сверкнули, и он понесся на крыльях искрометного танца. Высокий и стройный, натянутый как тугая тетива, он прошелся по кругу и остановился возле той, которая заняла прочное место в сердце неистового горца. Девушка опустила ресницы и попыталась спрятаться за подругами, но ее, так же как и Магомета, вытолкнули вперед, и, оказавшись перед Темирбашем, она поплыла в ритме стремительного исламѣя. Темирбаш, приближаясь к ней, пытался заглянуть ей в глаза. Но так стремителен был танец, что юная горянка всякий раз ускользала.

Уже совсем стемнело, а той только набирает силу.

¹ Той — пиршество или празднество.

Ни юные джигиты, ни горянки не знают устали. Кажется, что и звезды перестали мерцать, и луна застыла на месте, радуясь вместе с людьми и освещая все вокруг таинственно бледным светом.

— А глаз у тебя недурен,— сказал Хасан, хлопнув Магомета по плечу.— Эта девушка любому голову вскружит! Даже Темирбашу!

— Все шутишь...

— Как не шутить! Ты на свидании с Алимурзой, полагаю, был смелее.

— Да, пожалуй,— задумчиво согласился Магомет.

— Ну тогда давай по-серьезному. Я разужнаю, не ждет ли она кого из джигитов, которые еще не вернулись.

Магомет заметно оживился:

— Счастье мое в твоих руках, Хасан. Действуй, как считаешь нужным.

III

Магомет торопливо спрыгнул с линейки, быстрыми шагами вошел в Дом правительства области и поднялся на второй этаж.

— Я к товарищу Настуеву.

— Прошу сесть,— сказал высокий юноша с гладко причесанными волосами и в новеньком военном кителе.— По какому вопросу вызвал вас Юсуф Батиевич?

— Да вопроса особенного нет... Просто я его земляк и хотел с ним поговорить...

— У комиссара нет времени с каждым своим земляком разговаривать. Он занят. Придите в другой раз...

— Но я издалека, понимаете? Разрешите пройти.

— Не полагается, товарищ! — негромко, но категорически заявил юноша, вставая с места.— Или вам непонятно?

— Непонятно! — вдруг громко сказал Магомет и решительно направился к двери, обитой черной кожей.

В это время навстречу ему вышел сам Настуев, еще из кабинета услышавший громкий разговор в приемной.

— О-о, брат мой Темирбаш, салам алейкум, заходи, дорогой! Давно, однако, мы не виделись...

Секретарь, услышав знакомое имя, покраснел и стал извиняться. Но Магомет остановил его:

— Ничего, джигит, ты еще молод и, наверное, не знаешь, что сюда, к родному нашему правительству, люди приходят не развлекаться или устраивать курманбайрам. У каждого дело есть... Поэтому мой совет — будь сердечным или, на худой конец, вежливым с любым гостем. Не князь же сидит здесь, а наш красный комиссар Юсуф Настуев.

И Магомет вошел в кабинет заместителя председателя Нальчикского окружного революционного комитета.

— Давай, мой друг, отчитывай меня,— пошутил Юсуф.— Секретарю-то уже досталось.

— Ты вот шутишь, Юсуф, а я боюсь, что этот симпатичный юноша завтра вдруг заявит посетителю: «Советская власть — это я!»

— Я понимаю тебя, но надеюсь, что твои опасения не оправдаются.

Революционер с юных лет, Юсуф Настуев был беспощаден к врагам. А в людях, с которыми работал, ценил верность и чистоту помыслов.

— В счастливое время мы живем, Магомет,— задумчиво сказал Юсуф,— и в очень трудное, невероятно трудное. Власть в наших руках, но мы еще не в полной мере умеем ею пользоваться. Нет опыта, и знаний еще не хватает.

— Если уж у тебя не хватает знаний, то мы тогда и вовсе слепые овечки.

Юсуф Настуев был человеком всесторонне образованным и пользовался у народа любовью и уважением.

— Это, брат, всегда так бывает,— сказал он,— когда идешь по тропам еще не хоженным. Поэтому надо быть особенно осмотрительным — ведь за тобой следуют другие. Совершить революцию легче, чем отстоять ее. Понимаешь?

— Понимаю, Юсуф, очень верно ты сказал.

— Не я сказал — Ленин сказал,— улыбнулся Юсуф.

— Светлая у него голова. Да будет долгой его жизнь!

— Он все верно говорит. Через века смотрит и видит то, что мы неспособны видеть. Чтобы не упасть и не

разбить лба, все мы должны у него учиться. Иначе ничего не получится. Запомни это, брат мой.

— Да, Юсуф, ты прав, конечно,— согласился Магомет.

Юсуф вытащил из ящика стола бумагу и протянул ее Магомету.

— Здесь подробно изложены права твои и обязанности как представителя Советской власти в нашем районе. Вопросы, которые нам предстоит решить, друг мой, гораздо труднее, чем мы предполагали. Вот спрошу я тебя: что такое Советская власть? Как ты ее понимаешь?

— Странный вопрос,— удивился Магомет.— Само название говорит за себя. Власть народа — вот что это такое. Народ сам хозяин своей судьбы. Или я не прав?

— Прав, брат мой, прав,— улыбнулся Юсуф.— Но вот, к примеру, такое дело. В Нижнем ауле представителя Советской власти Якуба Жанбермезова пришлось снять с поста. Народ отверг такого руководителя.

— Ну, это дело известное. Парень возомнил себя тауби, часто ошибался и был непомерно груб. Вот народ и дал ему по шапке. Все правильно!

— И я так думаю. А ведь в прошлом он, сам знаешь, был настоящим джигитом. Не одного белогвардейца скинул с седла. И делу нашему предан. А вот таланта руководителя у парня не оказалось... Вообще для некоторых из нас характерна поспешность. Народ страдал веками, а мы теперь хотим с ходу построить коммунизм.

— Что правда, то правда,— покачал головой Магомет.— Есть у нас такая беда.

— Очень большая беда, Магомет! Жанбермезов, например, явно перестарался: стал вводить в селе воинскую дисциплину.

— Все это верно, Юсуф. Но следует ли его так осуждать, если он не терпит бездельников? В прежнее время князья с них три шкуры драли, а теперь иной такой лодырь и думает: «Пришла Советская власть, и мы теперь свободны — хотим работаем, хотим отдыхаем». Одного такого я знаю — раньше был лакеем, а теперь даже в собственном огороде не желает трудиться, сестры его кормят...

— Постарайся убедить его добрым словом, что Со-

ветская власть — народная власть, ему же и служит. Не спеши осуждать этого несчастного. Война нас научила воевать, а управлять мы сами должны научиться. Главное, есть у нас верный компас, который поможет не сбиться с пути — это учение Ленина.

Магомет слушал мудрого Юсуфа и думал, что с таким руководителем никакие трудности не страшны. Революция продолжалась, но теперь нужна была не только храбрость и мудрость, но и терпение.

— Историю не повернуть вспять, — продолжал Юсуф Настуев. — Видишь, как веками бесправные горцы становятся счастливыми гражданами своей страны, и сердце радуется. Да, может, нам с тобой, будет что рассказать нашим потомкам...

Не знал Магомет, что пуля, которая оборвет жизнь его друга, уже вложена в ствол винтовки коварного врага и что он, Магомет Османов, мужественный и суровый горец, не стыдясь своих слез, будет плакать на похоронах Юсуфа.

— Ну что ж, в добрый путь, Темирбаш, брат мой, и пусть свет удач озаряет твое лицо! А понадобится помощь — дай мне только знать, всегда рад буду тебе помочь.

Юсуф проводил Магомета, и тот, усевшись в линейку, отправился в путь.

IV

Буйная зелень лесов покрыла Нартово гнездовье¹, что по другую сторону светлоструйной реки Нальчик. А по равнине Барамты² над свежевспаханым полем стелется нежный дымок; солнце греет своими лучами обновленную землю.

Мирные заботы своего края радуют сердце Магомета: весна в этом году обещает хорошие плоды неутомимым крестьянам. Но бывает и так, что тень печали покрывает

¹ Нартово гнездовье — название места, где, по преданию, жили нарты — богатыри, герои эпических сказаний многих народов Кавказа.

² Барамта — предместье Нальчика.

его лицо, когда он вспоминает своих старых боевых товарищей. Даже в самые опасные часы они мечтали о таких вот днях, с безоблачным небом над свежевспаханной землей. И вновь он слышит слова Хаджимурата Лсанова: «А я, друзья мои, охотно променял бы винтовку на косу...»

* * *

Когда в полдень Магомет приехал к кошу косарей, работа была в полном разгаре. И он, не заходя в кош, поспешил к косарям.

— Дай-ка, джигит, и мне подержать твое звонкое оружие. Давно я не слышал шепота скошенной травы.

Довольный косарь протянул свою косу Магомету, а сам издали стал следить за его работой. Вскоре он заметил, как отяжелели взмахи Магомета и как темные пятна пота проступили на его гимнастерке. Но Магомет, стиснув зубы, продолжал работать. Он знал, что до кустарника, где граница покоса, еще шагов сто и, пока он не дойдет до него, нельзя ему остановиться на отдых. Он чувствовал на себе любопытные взгляды опытных косарей и молодых горцев.

Неистово колотилось сердце, ныли мышцы спины и ног. Хыст-хыст, хыст-хыст... «Ничего, Темирбаш,— говорил он себе,— это ведь только с непривычки. Все нормально, все отлично. Коса острая, ряд ровный. Главное — не сбиться с ритма...» Солнечные лучи играли на сверкающей стали, будто подмигивали, подзадоривая уставшего косаря. Хыст-хыст, хыст-хыст... Совсем немного осталось. Ведь не отстал же от других. А вот и куст, вот и победа, маленькая, но такая важная. Старший косарь придирчиво осмотрел длинный ряд скошенной травы и остался доволен.

Магомет стал жадно глотать айран из черного гоппана, и этот дивный напиток словно влился ему в кровь, снял усталость. Поблагодарив косарей, он направился в село. Там строили школу. Потом заседание в сельсовете. А потом... быть может, удастся увидеть ее...

Немало в родном краю стройных, чернокосых горянок. Но та, единственная, овладела его умом и сердцем. Неведо-

мые доселе чувства заполнили душу Темирбаша. Он сам удивлялся своей робости перед любимой; самые нежные, ни перед кем еще не высказанные слова теснились в его груди.

Никто, кроме Хасана, не знал о любви Магомета.

— Э... э, Магомет, нельзя терять времени. Иной сходу побеждает того, кто долго целится. А эта лунолика может упорхнуть далеко. Видишь, сколько свадеб?..

— Хасан, дорогой, перестань меня пугать да возьмися за дело решительней. Не могу я без нее, пойми.

— Понимаю, несчастный, как не понять!

Железное сердце гордого Темирбаша уже начало плавиться, как кусочек льда под лучами солнца.

— Надо скорей заслать сватов, слышишь, Хасан? — заволновался Магомет.— А вдруг нас кто-нибудь опередит?..

— Ну, это ты напрасно! Если орлиный взор Темирбаша остановился на этой красавице, мы не позволим никому стать поперек. Но учти, Магомет, сейчас другие времена, и мой тебе совет — объяснись сначала сам. И аллах да поможет тебе... Но помни, он помогает охотно только решительным.

Немало времени прошло с тех пор, и вот наступил день, когда Магомет решился... Едва сгустились сумерки, он вместе с Хасаном отправился к роднику на краю села, куда обещала прийти молодая горянка. Как только вдали показалась стройная фигура девушки, Хасан сказал Магомету: «Действуй, брат! А уж я найду лучших в Балкарии сватов!» — и поспешно удалился.

Тонкий месяц рогом зацепил острую вершину дальней горы, а в черном роднике уже поблескивали близкие звезды.

— ...Ты только скажи, душа моя,— взволнованно шептал Магомет,— и в срок, назначенный тобой, придут наши люди. А я буду торопить этот день и буду ждать...

— Не спеши, Магомет. Хорошо обдумай свое решение. Любая счастлива стать твоей подругой... Не знаю еще, как мать и отец оценят мою дерзость, если я что-либо пообещаю...

Магомет был готов услышать «да» или «нет», а такого ответа не ожидал.

— А может, ты любишь другого? — спросил Магомет чужим голосом. — Если это так — скажи. Я всю жизнь буду завидовать этому счастливцу.

Девушка опустила голову и, печально улыбнувшись, сказала:

— Нет у меня никого, Магомет. Знай, что я любила тебя, когда ты еще не ведал о моем существовании. О, аллах, что я говорю!.. Не стыди меня, Магомет, за эти слова. Я не могла не сказать...

Девушка извлекла из рукава белый вышитый платочек — залог своей любви — и, торопливо сунув его Магомету в руки, быстро ушла. Магомет долго стоял, растерянно разглядывая платочек, словно пытаясь понять — явь это или сон.

V

Желтый отсвет утра разлился по небу, и снежная гряда начала алеть, предвещая близкий восход солнца. Но село уже просыпается. Слышен скрип телег, то там, то здесь хлопнет калитка. Молодые хозяйки уже спешат к роднику, а косари, собравшись возле сельсовета, ведут неторопливую беседу да едко вышучивают опоздавших.

— Эй, Бекмурза, вроде бы и немолодой, но расстава-ния с любезной Жансурат все еще для тебя тягостны.

— Доброе утро, Алисолтан, лежать на перине, конечно же, приятней тебе, чем в такую рань ехать в горы.

— Ну, с Темирбашем дело ясное. Медовый месяц еще не кончился... Воллаги¹, если бы не его высокая должность, мы его, пожалуй, и не стали ждать.

Каждая шутка сопровождается громким смехом и подмигиванием.

Скоро собрались все, кому нужно было ехать на сенокос; расселись по подводам и отправились в сторону

¹ Воллаги — возглас удивления, восклицание.

Лысой скалы, за которой начинались сочные альпийские луга.

Но даже среди остряков-косарей Магомет не мог забыть вчерашний случай.

Выйдя из сельсовета, он встретил у дороги двоих молодых людей. Судя по одежде, юноши собрались не на работу.

— Салам алейкум, джигиты!

— Алейкум салам.

— Куда это вы собрались, такие разряженные?

— Поругай-ка и ты нас, Магомет. А то нас мало кто учит уму-разуму.

— В город едем. Погулять,— вызывающим тоном заявил другой.

— И не стыдно вам, друзья мои, уезжать в такое время. Немедленно догоните своих!

— А ты, Магомет, не кричи на нас. Мы не в эскадроне, и ты не командуй! Мы — свободные люди и сами решим, работать сегодня или нет.

— Сейчас нам не до отдыха, джигиты...

— Ну хватит, надоело! — прервал Магомета юноша в серой черкеске. — С утра до вечера, как волы в упряжке.

— Вы — дармоеды без стыда и совести! — гневно воскликнул Магомет. — Чтобы вы были сыты, лучшие джигиты сложили головы!

— Ну и что? Плакать теперь по ним прикажешь?

После этого случая он долго не мог прийти в себя. «Неужто есть такие, для которых пролитая кровь — что розовая водица? А может, мы сами виноваты, может, мы недостаточно внимательны к этим юнцам?» — думал Магомет.

Время летит подобно стремительному потоку Черека, несущего свои напоенные горной прохладой воды к знойным степям. Дни и месяцы проходят в звонком грохоте мирных будней. Постепенно люди стали приобщаться к коллективному хозяйству. Но и здесь не все шло так гладко, как хотелось бы Магомету. Иные не только отказывались признавать коллективизацию, но и распространяли несусветные слухи об этом загадочном «колхозе».

— Ничего тут необычного нет,— объяснял Магомет

недоверчивым.— Вот, к примеру, одному дом построить тяжело, а сообща — дело нехитрое.

— Кому тяжело, а кому не так уж мудрено, если трудиться любишь,— отвечал великан Мустафír, который до революции был батраком, а теперь вдруг решил, что и ему не грех пожить, как тауби. Трудяга был этот Мустафир, но никак не хотел признавать желания большинства — работать сообща. Даже на изéу¹ он не приходил.

— Нет,— философствовал Мустафир,— вол и телок под одним ярмом — это смешно и несправедливо. А если их кормить одинаково — и того смешней.

— А скажи-ка, Мустафир,— спросил Магомет,— ты смог бы опрокинуть вон тот валун? Силой аллах тебя вроде не обидел, попробуй, пожалуйста...

Магомет знал, что никто не мог тягаться силой с Мустафиром. Знал он и то, что Мустафир был человеком весьма тщеславным.

— Попробуем,— сказал Мустафир, разглядывая замшелый валун и примеряясь, с какой бы стороны подступиться.

Валун сидел на треть в земле и, наверное, уж не одну сотню лет. Но Мустафир, недолго думая, ухватился за край камня. Лицо его побагровело, капли пота выступили на лбу. Камень слегка пошатнулся, но похоже было, что не собирается покинуть свое насиженное место. Мустафир тоже не хотел уступать.

Остряки сначала зашушукали, потом стали шумно над ним издеваться.

— Давай-давай, Мустафир, сейчас пошлем молодых за новым шалваром.

Но Мустафир не сдавался. Снова и снова пытался он сдвинуть с места злополучный валун.

— Мало ты все же съел сегодня мамалыги!²

— Смотри, лопнешь!

— Может, твою лучезарную позвать, чтобы своим кормыслом помогла?

¹ Изéу — добровольная общественная взаимопомощь при каких-либо работах.

² М а м а л ы г а — крутая каша из кукурузной муки.

Смеялись все, кроме Магомета. Убедившись, что у Мустафира ничего не выйдет, он подошел к нему и хлопнул по плечу.

Оставь, друг мой, это дело, а то и в самом деле до греха недалеко.

Мустафир отер пот со лба рукавом, поправил шапку и, виновато улыбнувшись, отошел в сторону.

Магомет подозвал четырех молодых, и вскоре злополучный валун был опрокинут. Магомет подошел к Мустафиру.

— Так вот, брат: то, что одному тяжело и не с руки, четверым уже под силу. А колхоз — это союз десятков и сотен людей. Насильно мы тебя в колхоз не тянем. Более того — напишешь заявление, будем обсуждать: достоин ли ты доверия. Пусть люди решают. Так-то, брат, думай!

Долго думал Мустафир. Но когда односельчане пошли строить дорогу, среди них был и Мустафир с молотом и огромным ломом. И когда приходилось убирать с пути камень, он неистово крушил его своим молотом и опрокидывал ломом. Работал Мустафир так, что никто уже не смеялся над могучим горцем.

VI

Когда в Нальчик привезли десять тракторов «фордзон», Магомет решил во что бы то ни стало заполучить один из них. Дело это оказалось нелегким, так как в Нальчике решили, что тракторы в первую очередь нужны равнинным селам для пахоты. Магомету стоило немалого труда убедить наркомземовцев, что трактор необходим и горскому селу, но не только для пахоты, а также для строительства дороги, для новой лесопилки, а главное, чтобы все видели, как Советская власть помогает колхозам.

Наркомземовцев удалось убедить, и ликующий Магомет вместе с друзьями и помощниками привез чудо-машину в родное село.

Тут же вокруг железного чудовища собрались все — и стар, и млад.

— Так говоришь, на нем пахать можно? — с недоверием спросил Мустафир у Магомета.

— Конечно, можно! Но этот конь с железным сердцем может выполнить и другую работу.

Юноша, который приехал из Нальчика вместе с «фордзоном», тоже давал объяснения.

— А сена-то ему сколько надо? — насмешливо спросил один из зевак.

— Вот бак с горючим. Его хватит на целых два дня, — ответил молодой тракторист и запустил двигатель чудоконя. В тот же миг ущелье заполнилось треском и грохотом. Толпа шарахнулась в разные стороны, и даже аксакалы предусмотрительно отошли на некоторое расстояние.

Мужчины между тем осмелели, и вскоре страх уступил место шуткам.

— А чего он тарыхтит, словно фасолевого супа объелся?

— От его ржания все наши кони попрыгают в ущелье!

— Ах, собачий сын, кольца-то как пускает из трубы! Как настоящий курильщик!

— Если сила его под стать шуму, то, должно быть, полезный зверь этот трахтур, — пошутил кто-то.

Молодой тракторист решил показать своего «коня» в деле.

Возле сарая лежали огромные бревна, которые приволокли с помощью двух самых сильных волов. Магомет быстро обвязал их цепью и прикрепил к трактору. Затаив дыхание следили все за происходящим. Да и сам тракторист беспокойно поглядывал на трактор — уж слишком были велики бревна. Но «железный конь» поднатужился, еще сильнее задымил в свою трубу и медленно поволок бревна, оставляя глубокий след на дороге. И когда, проехав через все село, он притащил свой нелегкий груз на прежнее место, люди закачали головами, удивленно повторяя «тобаастофиурах...».

Но всеобщим любимцем стал трактор, когда он со сказочной быстротой вспахал, а затем и пробороновал все колхозное поле. К тому же он одинаково безропотно таскал лес и другой строительный материал и безотказно работал при перевозке сена.

После окончания сева на митинге комиссар Сафар заверил всех, что в каждом селе и в каждом колхозе

будут свои тракторы. Так сказал товарищ Ленин. И тогда люди заживут счастливей.

А Магомет Османов уже мечтал о том дне, когда в горном селе не будут в диковинку ни тракторы, ни автомобили и управлять ими будут не только мужчины, но и женщины-горянки.

Однако с горянками дело обстояло не так просто.

В селе уже давно открылась школа.

Юные горцы учились грамоте сами, а по вечерам обучали читать и писать своих родителей. Но девочек в школе было мало. Магомет вместе с сельскими активистами всячески убеждал родителей отдавать в школу и девочек, но те только отмахивались.

— Заурбек, светлая твоя голова,— обратился однажды Магомет к лучшему косарю села.— Ты лучший колхозник и мудрый человек, а красавицы твои живут в невежестве.

— Дорогой Магомет,— спокойно ответил тот.— Прости за хвастовство, но дочки мои мастерицы на все руки: готовят прекрасно, хозяйство вести умеют, в доме всегда чистота и порядок. Ну зачем им учиться? Если женщины станут книги читать — кто же будет хранить тепло очага? Что бы там ни говорили, а женщина — она женщина и есть. Пусть лучше будут хорошими женами.

Магомет не стал спорить. Он почувствовал, что все его доводы напрасны.

Вечера он просиживал дома, читая Ленина, и аккуратно выписывал все, что говорил Ленин о роли женщин в социалистической революции.

— Придет день,— сказал он однажды комиссару Сафару,— когда наши горянки сами будут обучать ребятишек грамоте.

— Да, дорогой, день этот обязательно наступит, был бы только мир... Но уж очень беспокойно на земле. В Германии — фашизм, лучшие люди гибнут в тюрьмах...

— Знаю, Сафар. Пока есть на земле страна Советская, нет покоя капиталистам! Но если они сунутся к нам — потеряют не только шапки. По правде сказать, не хотелось бы снова седлать боевого коня.

— Да, друг мой,— задумчиво сказал комиссар. Как бы нам снова не пришлось за оружие взяться.

— Ничего,— вздохнул Магомет.— Дело знакомое — все на живой памяти! Покажем фашистам, где раки зимуют.

Домой он в этот день вернулся поздно, но, прежде чем сесть ужинать, стал по привычке проверять тетради маленькой Мариям.

Жена тихо подошла к нему сзади и ласково погладила по волосам.

— Ой, Темирбаш наш становится Кюмушбашем!¹ — воскликнула она.— Вот один седой волос, вот другой. И морщины на лбу... Послушай, друг мой, сколько же лет мы с тобой греемся у этого очага? Вернее, я греюсь, ожидая тебя,— добавила она с грустью.— В последнее время ты вроде забыл, что у тебя есть и дом, и семья.

— Нет, душа моя! С годами моя любовь не иссякла. Видно, я под счастливой звездой родился, если судьба свела меня с тобой!

— Но я-то вижу, что с людьми тебе лучше, а вместе мы бываем все реже и реже. Уж не разлюбил ли ты меня, скажи?

— Скорей Черек потечет вспять и сомкнется балкарское ущелье! А в доказательство предлагаю тебе поехать со мной в Нальчик. Меня приглашают туда на слет. А мы поедем вместе! Понятно?

— Понятно-то понятно, но что я там буду делать?

— Если мне придется выступать, то скажу, что я потому такой еще молодой и сильный, что рядом со мной всю жизнь была вот эта красавица.

— А я скажу: непременно наградите меня медалью за то, что столько лет терплю вот этого несносного Темирбаша!..

¹ К ю м у ш б а ш — буквально: серебряная голова, то есть седая голова.

Каждый раз с детским восторгом встречал Магомет рождение нового дня. В эти неповторимые минуты он чувствовал, как отступают заботы и грудь наполняется неизъяснимой радостью. Он выходил на веранду, откуда открывался вид на окрестные холмы, зеленые летом и такие ослепительно белые зимой. Постепенно горизонт из синего становился бледно-желтым, и острые гряды гор проступали еще отчетливее и резче. Но уже через мгновение горные вершины окрашивались в розовый цвет. А еще через минуту уже весь горизонт был объят красным пожаром, и могучее светило поднималось над ним, согревая своими лучами горы, холмы, весь мир.

— Пойди поешь, дорогой, и скажи, куда сегодня путь держишь? — спросила жена. Она уже успела накрыть стол.

— Сегодня поеду на молодежную ферму — посмотрю, как там наши доярки с работой справляются.

— Тебе бы только к молодым! Или думаешь, что и сам юный джигит? — пошутила жена.

— А чем не джигит, хотя, конечно, не совсем юный. Так что бойся, дорогая! На ферме немало красавиц: кого хочешь с ума сведут...

— Дал бы тебе аллах побольше такого таланта. А то, как Хасан говаривал, ты и в молодости по части любви был не мастер. Помнишь, как у родника объяснялся? Если бы я не пожалела тебя тогда...

— Да, ты права, там я был явно не в своем седле, — согласился Магомет, обняв жену.

— Ну, скажи, что бы ты сделал, если б я отказала? — не унималась жена.

— Видишь, во-он ту скалу? Взобрался бы на нее — и вниз головой.

— А я бы на твоём месте поступила не так.

— А как, интересно узнать?

— Я бы просто завернула невесту в бурку и умчала бы ее в Верхнюю Балкарию. Чем плохо, а?

— Пожалуй, это здорово, но у меня так не получилось бы.

— Удивительно, — покачала головой жена, разливая айран. — А ведь рассказывали, как Темирбаш привозил

белогвардейцев в лагерь, словно похищенных невест
— Это другое дело.

— Да, это другое дело, милый,— улыбнулась жена и обняла его за плечи.— Будь осторожен, тропы, говорят после дождя совсем размыло. Счастливой дороги и возвращения!

...Страшная весть о войне мигом облетела все село. Люди бежали к сельсовету митинг возник сам собой. Взволнованно говорили руководители горного села, говорили старики-аксакалы, участники первой мировой войны. В их словах — гнев и проклятие фашистам, решимость дать им отпор. Народ не желал, чтобы враг посягнул на новую, счастливую жизнь, за которую так много было отдано.

Слово взял Магомет.

Он встал и, глядя на мрачные лица горцев, начал медленно, словно взвешивая каждое слово

— Дорогие товарищи, земляки! Грозная опасность нависла над нашей Родиной: коварный и сильный враг напал на нас. Ему давно не давали покоя наши богатства наша свободная жизнь. Враги хотят отобрать у нас пашни и сенокосы, вернуть нас к прежней, несправной жизни, превратить нас в батраков. Но разве для того мы вынесли столько тяжких бед, чтобы снова оказаться во власти заклятых врагов?.. Наш народ никому не сломить — фашисты получают по заслугам! Друзья! Настала пора седлать боевых коней и взяться за оружие. Я, как и многие мои земляки, отправляюсь на фронт И сражаться буду пока в груди бьется сердце и рука будет способна держать оружие.

VIII

— Посмотри в зеркало, Магомет ты старше любого из добровольцев... И разве мало здесь у нас дел,— говорила сквозь слезы жена.

— Не так уж я стар! Не плачь, дорогая, ты ведь знаешь — иначе нельзя...

— Там смерть...

— Смерти нет для Темирбаша — разве ты не знаешь этого? Давай лучше испеки хычын¹, это у тебя здорово получается! С картошкой и сыром, а? Я сейчас печь натоплю. И пожалуйста, не плачь, не надо. Тебе очень идет, когда ты смеешься!

— О, аллах, как неуместны твои шутки!

— Мы с тобой еще долго будем смеяться и радоваться. Признайся, ведь я не такой уж скучный человек, а?

Жена грустно улыбнулась и пошла на кухню. Но все валилось из рук. Мучила мысль, что ее Темирбаш может не вернуться. Никогда раньше она не задумывалась над тем, какой была бы ее жизнь без него. Она просто не могла себе этого представить.

* * *

Провожает село на фронт своих мужчин. Последние крепкие объятия, последние наставления. В стороне стоят жены-горянки — им не пристало изливать свою печаль на людях, обнимать своих любимых при старших.

Надрывно загудели грузовики, и скоро в сизом облаке пыли исчезли родные лица, угасли голоса. Магомет сидел на скамейке в кузове машины рядом с совсем еще молодым джигитом. Этот юноша, казалось, ехал не на войну, а на весенние скачки, где его конь, конечно же, будет далеко не последним.

— Послушай, Магомет, а не кончится ли эта война, пока мы доедем? До Германии, поди, далеко.

Магомет не сразу ответил. Он посмотрел на ясное, открытое, по-детски восторженное лицо юноши. «Ему кажется, что война — это что-то вроде состязания по борьбе или толканию камня...»

— Нет, не кончится,— медленно произнес Магомет. Тем более, что война идет не в Германии, а на нашей земле.

— Если отправят на фронт, попрошусь в танкисты. Это настоящее мужское дело!

— А справишься? — спросил Магомет.

— Умею же я водить трактор,— улынувшись, отве-

¹ Хычын — круглый пирог, начиненный картофелем, сыром или мясом.

тил юноша,— так что переучиваться придется недолго.

— Я желаю, мой друг, чтобы тебе повезло, где бы ты ни служил. Но война не очень веселое дело...

— Это понятно,— согласился юноша.

Хотя вряд ли ему это было понятно.

* * *

— Магомет Османов,— четко произнес Магомет, положив документы и заявление на стол.

Немолодой военный поднял голову и внимательно посмотрел на высокого, крепкого сложения мужчину с сединой на висках. Потом перевел взгляд на бумаги и твердо сказал:

— Мы вас призовем потом.

— Когда потом?

— Когда надо будет.— Брови у военного сошлись, он не привык к пререканиям.— Вам не понятно?

Но в это время к нему подошел другой офицер, чином пониже, и что-то шепнул ему на ухо. Лицо военного потеплело, и, привстав, он протянул руку Магомету.

— Садитесь, товарищ Темирбаш, и не сердитесь. Время такое.

— Ничего, ничего, понимаю.

— Но все же ваш возраст пока не призывается...

— Как не призывается? Поймите, я уже распроштался с односельчанами. Запишите в кавалерию — знакомое дело... Прошу вас!

— Не могу.

— Не позорьте меня! Я не могу вернуться назад! — стал горячиться Магомет.

— Тогда прошу вас, пройдемте в соседний кабинет,— сказал военный, и Магомет послушно пошел за ним.

Магомета Османова так и не отправили в тот день вместе с другими односельчанами. Но спустя некоторое время, когда была сформирована из горцев кавалерийская дивизия, он был зачислен в ее ряды.

Начались учения. Лихие всадники с рассвета до самого вечера готовились к предстоящим сражениям, учились метко стрелять.

Однажды к Магомету подошел комиссар. Этого статного, крепкого человека знали в республике все. Его ум и на редкость доброе, отзывчивое сердце сделали его любимцем народа.

— Салам алейкум, Магомет! Да продлятся твои годы, брат мой! Ты все так же ловок и смел, и, похоже, годы тебя обходят стороной.

— Алейкум салам, Махти! Вот стараюсь не отстать от этих черноусых джигитов. И конь достался хороший.— Магомет погладил своего иноходца.

— Говорят, по седоку и конь.

— Жаль только, что так мало осталось старых боевых друзей. Как мне их не хватает, Махти!

— Да,— вздохнул Махти,— я понимаю тебя, брат... Но приходят новые джигиты, и я думаю, они окажутся достойны памяти твоих боевых друзей.

Махти посмотрел на конников, которые на полном скаку рубили чучела, и сабли молнией сверкали в их крепких руках.

— Ну, а как на фронте-то дела, Махти? Расскажи мне.

— Плохо, брат, плохо. У врага мощная техника. Его танки у самого Ростова, и, несмотря на большие потери, фашисты продолжают наступать. Тяжелые нам предстоят испытания, но мы выстоим, дорогой, и победим.— Глаза Махти заблестали задорным огоньком.— Ну, мы еще не раз поговорим с тобой, а теперь мне пора в штаб. Желаю успеха, друг!

И вот настал день отправки на фронт сто пятнадцатой Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии.

Ровными рядами стоят кавалерийские полки. Горная республика провожает своих сынов на фронт. Со всех селений и городов съехались сюда люди. Отцы, матери и невесты пришли на это торжественное прощание.

В словах провожающих одно пожелание — возвращайтесь с победой и будьте достойны славы отцов!

Говорят горские матери, матери джигитов. Лица их суровы и решительны.

Магомет смотрел, как одна из них прощалась с сыном. Юноша, казалось, и не слышал ее в этом шуме людском,

но она неотрывно смотрела на своего джигита, словно стараясь навсегда запомнить родное лицо; губы ее что-то шептали. Быть может, она молила судьбу, чтобы вражья пуля миновала ее сына, чтобы конь не споткнулся на поле боя?..

Горцы провожали своих сынов на фронт. Конники горного края уезжали сражаться с врагом, который приближался к Кавказу.

**ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ**

I

Безмятежное, огромное, как небо, поле. До самого горизонта — ни холмика, ни оврага. Лишь за спиной слышится шелест листьев леса, да невдалеке река не спеша несет цвета синего неба воды, в которых полощется ослепительное полуденное солнце.

Так тихо, словно нет на свете войны. Но в чаще густого леса затаился конный эскадрон, ждет приказа.

Разведка донесла, что именно здесь, на этом поле, должны появиться вражеские танки. А поодаль, по обе стороны широкой пыльной дороги, замерли в своих окопах пулеметчики. И даже горячий воздух, казалось, застыл в тревожном ожидании предстоящего сражения.

Словно весь мир погрузился в томительную тишину.

Магомет взглянул на молодого кавалериста.

— А ты видел вражеские танки? — спросил у него Магомет.

— Откровенно говоря — нет. Разве только в кино! Но, если правду говорят, может, сегодня увижу.

Юноше, пожалуй, не было и двадцати. А предстоящий бой, наверное, его первый бой. Но к седлу он, видно, привычен — сидит ровно и без напряжения.

— Говорить об этом смешно, — продолжал юноша, поглаживая коня, — но я боюсь одного — как бы он не выкинул шутку в самый неподходящий момент. Дьявол, а не конь! Я, конечно, мог отказаться от него. Но решил перевоспитать его.

Юноша с таким восторгом рассказывал о коне и его родословной, словно им предстояло состязание, а не

настоящая битва. И Магомет слушал его с удовольствием.

Но внезапно раздался зычный голос командира:

— Эскадро-он! Слушай приказ! Как только появятся вражеские танки и пехота — пропустить танки и отсеять пехоту. А сейчас — отойти назад, до того овражка!

На горизонте показалось облачко пыли, и донесся отдаленный гул. Вскоре показались и зловещие силуэты фашистских танков. Не сворачивая и не замедляя хода, они с грохотом двигались прямо на пушки переднего края обороны. А за ними в полный рост, с автоматами в руках шла пехота.

Магомет с ненавистью смотрел на врагов: их наглость и самоуверенность доводили его до бешенства. Показались и мотоциклы с пулеметчиками в колясках.

— Как на парад идут,— молвил молодой кавалерист.

— Кровавый это будет парад, когда заговорят наши пушки...— Магомет посмотрел в сторону своего командира, который сосредоточенно и напряженно следил за движением вражеских войск.

«Видно, бывалый воин»,— подумал Магомет.

И тут прогремел знакомый голос командира:

— А ну, орлы, отсекай пехоту! Вперед!

Завертелись блестящие дуги клинков над головами фашистов. Ржанье коней и крики кавалеристов — все слилось. А вдали уже раздавался сокрушительный грохот — это артиллерия открыла огонь по фашистам.

Магомет видел, как смело бьется молодой кавалерист, ворвавшись в гущу вражеских пехотинцев. Но когда двое фашистов бросились к нему, в сердце бывалого воина вспыхнула тревога. Он пришпорил коня и помчался на помощь товарищу. Ударом сабл: юный кавалерист свалил одного гитлеровца. Но прежде чем Магомет достал клинком второго, тот успел выстрелить в юношу. Зажимая рукой кровоточащую рану на груди, джигит медленно сползал с седла. На лице его не было ни страха, ни отчаяния, какая-то детская обида, и взглядом он словно просил прощения у старшего за случившееся.

Магомет осторожно выпростал его ногу из стремени и уложил юношу на землю.

— Потерпи, братишка, сейчас я тебя оттащу подальше из этого пекла...

— Нет, Магомет, не надо. Очень жжет в груди... Похоже, моя война кончилась...

Магомет согласился бы увидеть сейчас все что угодно, только не это страшное спокойствие на совсем еще юном лице товарища. И он подбадривал юношу, продолжая тащить его к лесу.

— Не надо, Магомет,— простонал юноша.— Будешь в Баксане — скажешь, так, мол, и так... Жаль, что не повоевал с тобой рядом. Прости, Магомет... Я уже ничего не вижу. Как больно...

— погоди, братишка, еще немного! Ну, что это ты так! Сейчас, еще немного... И в Баксан поедem вместе.— Магомет погладил холодеющий лоб юноши. В широко раскрытых глазах кавалериста угасала жизнь. Он неподвижно смотрел в бездонную и бескрайнюю ширь летнего неба. Смотрел и уже ничего не видел.

Не раз доводилось Магомету видеть смерть, но смерть юного кавалериста, еще совсем недавно стоявшего рядом с ним, глубоко потрясла Магомета. Сердце старого воина щемило от горя.

Он закрыл глаза юноши и безучастным, чужим взглядом окинул поле боя, где лежали убитые солдаты. Вдали чернели еще дымящиеся танки, а здесь уже собирались оставшиеся в живых кавалеристы. Магомет видел их возбужденные лица, слышал обрывки слов и даже смех. Люди радовались, словно это был не первый, а последний бой. Все же это была победа — враг был отброшен!

Командир подошел к Магомету.

— Видел, все видел, Османов,— сказал он.— Трех автоматчиков уложил, это здорово! А паренька жаль, очень жаль. Всех жаль... Надо написать родным, что погиб он как герой...

«Ко всему можно, наверное, привыкнуть,— думал Магомет.— Но какая это несправедливость, когда старшие переживают молодых, полных сил и светлых надежд».

Имя этой жестокой несправедливости — война. И тот, кто сделал первый выстрел, кто ступил на землю другого народа, должен ответить за все сполна.

Теперь уже Магомет не думал о войне так, как в первые дни. Опытный воин, он чутьем своим чувствовал, что война эта затяжная, изнурительная и потребует всех сил — предельной собранности, дисциплины, терпения.

Магомет еще не представлял, как тяжело придется конной дивизии в открытой степи.

Недолго длилась тревожная тишина. Разъяренный неудачей враг решил жестоко отомстить.

И вновь содрогнулась полынная степь. Застонала от взрывов земля, загорелись деревья, и уже с трудом просматривалось синее небо сквозь дым и чад. И снова идут вперед фашистские танки, и снова бьют по ним артиллеристы и бронебойщики.

Но вот послышалась команда, и конники, привстав на стременах, в едином порыве бросились на врага.

Магомет дрался так, словно не было за плечами прожитых лет. На полном скаку он врезался в гущу гитлеровцев — и вот уже свалился, обняв свой автомат, немецкий солдат; споткнулся, обхватив рассеченное плечо, фашистский офицер.

Вдруг мощный взрыв потряс землю и небо. Свет померк в глазах Темирбаша. В последний миг мелькнула жуткая, холодящая душу мысль: «Неужто это все, неужто конец...» И все погрузилось во мрак.

II

— Ма-го-мет! Османов Магомет... Можете благодарить своего пророка Магомета. Он выручил вас в трудную, весьма трудную минуту.

Магомет с трудом различал желтоватое и, как ему показалось, чрезмерно длинное лицо с серыми тусклыми глазами.

— Вас мог бы раздавить танк... или еще хуже — вас могли бы живым бросить в общую могилу. Впрочем, благодарить надо самую гуманную в мире германскую армию, которая вас подобрала, выходила и вернула к жизни...

В глазах говорящего не было ни сострадания, ни ненависти. Магомет никогда еще не видел таких пустых глаз.

«Так вот в чьи лапы ты попал, Темирбаш... Или это сон? Страшный, зловещий сон?..» Он тряхнул головой, словно стараясь избавиться от этого наваждения, — острая боль пронзила все тело. В глазах потемнело.

Когда он пришел в себя, лицо фашистского офицера снова возникло перед его взором сквозь пелену серого

тумана. Голос врага доносился издалека и звучал ровно, со скрытой насмешкой:

— Видно, что вы не из трусливых. Иначе не стали бы бросаться с саблей на танки! Как же вы не могли понять, что идете на верную смерть! Кавалерия против танков — ну не смешно ли?..

«Что им от меня нужно? — думал Магомет.— Почему не прикончил сразу?..»

— Магомет Османов...— вражеский офицер задумался, будто стараясь вспомнить, где он уже слышал это имя. И медленно, словно сообщал нечто особо важное, продолжал: — Мы вас отправим в лагерь для военнопленных. Вряд ли вам понравится работа на каменном карьере, вы уже немолоды. Но если бы вы вступили в мусульманскую армию, то смогли бы многого добиться.

«Ну и дела...— подумал Магомет.— Раз они решили сколотить легион предателей, то это наверняка не от хорошей жизни. Но не для того я спасся от смерти, чтобы служить подлым захватчикам. Надо бежать. Это ведь удавалось, и не однажды. Только не в одиночку...»

— Советую вам подумать,— продолжал офицер.— И помните, что судьба ваша — в ваших же руках. Мы еще встретимся в лагере...

Этот немецкий офицер до войны не раз бывал в России и хорошо знал характер кавказцев, их особое, уважительное отношение к старшим. Поэтому он сразу обратил внимание на немолодого пленника, который мог бы не только сам стать членом пресловутого легиона, но и помочь в вербовке новых добровольцев.

Дни и ночи шел эшелон на запад, все дальше и дальше от родины. Наконец пленных выгрузили из темных зловонных вагонов и затолкали в грузовики.

Тщательно огороженный со всех сторон лагерь стоял рядом с лесом. Вдали поднимались высокие горы. Как далеко осталась родина с такими же горами, заросшими лиственными лесами, с таким же синим небом...

Когда подъехали ближе, Магомет увидел, что поверх ограды в несколько рядов тянется колючая проволока. На сторожевых вышках стояли часовые. Вокруг царил мертвая тишина: ни всплеска реки, ни шелеста листвы, словно нигде на земле не было ни войны, ни огня, ни смерти.

...Магомет подошел к высокому окошку барака — голубой квадрат неба казался здесь ближе и ярче. Глотнув свежего воздуха, он почувствовал, что острая боль в висках отступает и мысли становятся ясными. Высоко в небе парил чернокрылый орел, и Магомет вдруг вспомнил, как в далекой юности он точно так же смотрел на этого властелина голубой высоты. Тогда Магомет лежал связанный у ног карателей тауби Татуки, и его готовились отдать на расправу ротмистру Серебрякову. А он с завистью смотрел на того орла, свободного и могучего, и не терял надежды вырваться из лап деникинцев. Неужто теперь он смирится со своей страшной участью? Неужто фашистский лагерь, окруженный высокими стенами с колючей проволокой да злыми псами, — его последнее пристанище? Слов нет, враг теперь много опытней и опасней, но Темирбаш по-прежнему воин, хотя нет в его руке ни винтовки, ни клинка. Главное — выждать момент, изучить обстановку и, конечно же, найти друзей — верных, решительных. Только не рабская смерть...

Магомет вздохнул и крепко сжал кулаки.

— Орлу завидуешь? — тихо спросил по-татарски подошедший к нему пленный.

— А кто орлу не позавидует? — Магомет испытующе окинул взглядом незнакомца.

— Меня зовут Асат. Татарин я. А ты с Кавказа. Я в этом лагере не один месяц — уже старожил...

— Как ты узнал, что я тебя пойму?

— Ты шептал на своем языке что-то. Если доверяешь мне, поговорим...

— Доверяю, — сказал Магомет, не отрывая взгляда от измученного лица этого еще крепкого и решительного человека.

Асат посмотрел на синий клочек неба в окошке барака и тихо сказал:

— Я знаю, о чем ты думаешь... И не ты один. Нам надо бежать!

— Я согласен, но как? Мы не знаем, где находимся.

— Почти у границы Югославии. Там весь народ восстал против фашистов, там партизаны. К ним бы нам, а?

— Неплохо, конечно, — сказал Магомет задумчиво. —

Неважно, где сражаться, важно — бить фашиста... А что за люди-то, эти югославы?

— Такие же люди — как ты, как я. Язык у них похож на русский: славяне ведь. И еще скажу, не так уж хороши у фашистов дела, если собирают какие-то еще легионы. Никогда им нас не победить, Магомет!

— Я это знаю, Асат.— Магомет почувствовал, как сильно забилося его сердце. «Нет, это еще не конец,— сказал он себе.— Еще не все потеряно... Споткнулся конь, но голова-то у седока цела».

— Да, брат мой, испытаем судьбу! А если и погибнем, то не на коленях.

Всю ночь Магомет провел без сна. В тусклом свете запыленной лампочки маячила широкая спина чуть сгорбившегося охранника. Он то расхаживал вдоль длинного стола, поглядывая на нары, то снова присаживался на деревянную скамью, чтобы закурить.

Забылся Магомет только к утру, но едва за окном забрезжил холодный рассвет — раздалась команда охранника. И узники стали сходить к середине барака, строиться по обе стороны длинного стола.

Потянулись тяжкие дни лагерной жизни.

III

И вот однажды по приказу фашистов все вышли из барачков и построились на площади. Оцепив площадь, фашисты спешно погрузили пленников в машины.

По счастливой случайности, Магомет и Асат оказались в одной машине. Тесными рядами сидели узники в кузове под стальными дулами вражеского оружия. А в голове у Магомета все звучали слова друга, сказанные во время погрузки: «Теперь или никогда»...

С тяжелым гудением ползут машины в гору. Едут узники неведомо куда — может быть, навстречу своей гибели. Неподалеку виднеется лесистый холм, и Магомет с удивлением замечает, как все здесь похоже на окрестности Нальчика, на легендарные горы Нарт-уя¹, где

¹ Н а р т - у я — место, где, по преданию, жили нарты.

он в юности не раз бывал с друзьями. Они ездили туда на осликах, рубили сухостой и возвращались счастливые и беззаботные. А заботы и дела появились потом.

«Как много ты прожил, Темирбаш! Большинство твоих прежних друзей ушло из жизни еще молодыми... Как много лет прошло с той поры, когда ты впервые взял оружие да оседлал боевого коня. И вот теперь ты пленник, да — пленник, в руках у ненавистного врага...»

Магомет взглянул на автоматчика — тот был неподвижен, словно каменное изваяние, и смотрел на сидящих перед ним на дне кузова изможденных людей. Магомету даже показалось, что охранник спит с открытыми глазами.

Начался долгий подъем, и машины, заметно сбавив ход, надрывно загудели.

Асат взглянул на Магомета, и тот едва заметно кивнул. Точно стрела, сорвавшаяся с тугой тетивы, кинулся Магомет на охранника. В тот же миг Асат ударил второго солдата. Вырвав из рук немца автомат, Магомет прострелил кабину и выпрыгнул из кузова. Близость свободы утроила его силы. Растерявшиеся в первое мгновение узники бросились за ним следом.

Магомет на бегу дал очередь по другой машине, показавшейся из-за поворота, и скоро достиг кустарника, а затем и спасительного леса. Оглянувшись, он, к великой радости, увидел Асата.

Опомнившись, фашисты открыли беспорядочную стрельбу по беглецам.

IV

Нет, не закончилась твоя война, Темирбаш. Покуда бьется сердце, а в руках оружие, не погасла твоя звезда, Магомет Османов! Ты много раз смотрел смерти в глаза, и вот твоя судьба снова в твоих руках. Быть может, ты был слишком прямолинеен в жизни, но шел всегда дорогой правды и боролся за правое дело!

Магомет вдруг услышал стон и оглянулся: Асат лежал на земле. В два прыжка он оказался рядом с другом. Вся левая штанина его была залита кровью, и Магомет, разорвав рукав гимнастерки, туго перевязал Асату ногу

повыше раны. Кровь приостановилась, но вокруг повязки нога стала чернеть.

— Беги, Магомет...— задыхаясь, шептал Асат.— Они могут настигнуть...

— Держись, друг, держись... Я тебя сейчас понесу. Дай мне руку... Вот так, хорошо.— И, взвалив Асата на плечи, Магомет уходил все дальше и дальше в лес.

Наконец выстрелы затихли, и Магомет вдруг почувствовал страшную усталость.

— Воды...— прошептал Асат.— Воды... хоть немножко... Все горит внутри...

Магомет осторожно уложил раненого товарища на траву, огляделся.

— Потерпи, дорогой, потерпи немного...

— Прости, Магомет, подвел я тебя... Вернешься домой — напиши нашим...

Асат снова застонал и потерял сознание. И тут Магомет вдруг заметил блестящие капли, просачивающиеся сквозь кору дерева, очень похожего на березу. Бросившись к дереву, он стал собирать эти скупые капли в лист лопуха. Потом осторожно влил их в рот Асату, а мокрый лист приложил ко лбу раненого друга.

И снова в путь. Тяжело дыша, хватаясь за обнаженные корни деревьев, он из последних сил продвигался все дальше и дальше... Внезапно прямо перед ним кусты зашевелились, и Магомет машинально направил туда ствол автомата. Из-за кустарника вышли двое с немецкими автоматами и двинулись прямо на него. Один из них заговорил на языке, близком к русскому:

— Из лагеря?

— Да, из лагеря... а вы кто?

— А мы, друг, югославы! Если других вопросов нет, пойдете с нами,— сказал черноусый верзила и поднял Асата, как малого ребенка.— Ранен? Так вы еще и воевали...

— Друзья, братья! — Магомет почувствовал, что силы покидают его.

— Хорошо, друг, очень хорошо, молодцы!

Магомет отпил из протянутой ему фляги и почувствовал себя лучше.

Партизаны приложили к ране Асата какие-то листья,

перевязали ему ногу, и все вместе отправились в путь.

Магомет сразу обратил внимание на высокого, черноусого партизана. Он был почти уверен, что где-то уже видел его у себя на родине, в далекой Балкарии. И даже спросил по-балкарски:

— Прости, друг, как ты сюда попал и как твое имя, скажи, чтобы я тебя вспомнил?

Но, встретив недоуменный взгляд югослава, он повторил сказанное по-русски.

— Зовут меня Мехмет, а сам из Чернсогории.

— А я — Магомет с Кавказа.

— Так это же одно и то же — Мехмет и Магомет. А на Кавказе, говорят, тоже горы и повыше наших!

— Да и лица у вас, что у братьев от одной матери, — заметил Васелин, товарищ Мехмета. Он взвалил Асата на плечи. — Скоро доберемся, потерпи, дорогой... Полкилометра осталось.

— У нас в лагере есть настоящий врач, — сказал Мехмет.

Уже мерцали близкие звезды и воздух был густо напоен терпким ароматом хвои, когда путники дошли до переднего дозора отряда.

— Языка привели? — спросил часовой, не разглядев в темноте одежды беглецов.

— Сразу двух, — пошутил Мехмет, и они подошли к большой землянке.

Тяжело раненного Асата Нигматуллина тотчас же окружили югославы, они готовы были все сделать, чтобы помочь ему.

А Магомета повели к командиру.

— Судя по всему, ваш лагерь вот здесь, — сказал командир, указывая на карту. — Это, по-видимому, новый лагерь... Сколько там может быть фашистов?

— Думаю, что-то около взвода, если не считать легионеров, — ответил Магомет.

— Почему «не считать»?

— Во-первых, их не так уж много: человек двадцать. Во-вторых, им еще не доверили оружие. А если и вооружат, то очень скоро отправят на фронт. Им, по-моему, и сами-то немцы не очень доверяют.

— Это как сказать! Для нас предатели не менее опасны, чем немцы. Но ничего, не одна дивизия фашистов застряла в наших краях, вся Югославия охвачена партизанской войной. Мы верим в нашу общую победу! И мы рады,— добавил командир,— что ты решил сражаться в рядах югославских мстителей.

Вскоре состоялся военный совет.

— Магомет Османов. Русский боец,— представил Темирбаша командир.— Бежал вместе со своим другом майором Нигматуллинным из лагеря. Хорошо знаком с партизанской борьбой. В чью группу его зачислить?

— Если он согласен, запишите в мою... Мы уже с ним знакомы,— сказал черноусый Мехмет.— Мы, горцы, быстро пойдем друг друга.

— Слово за вами, Магомет,— сказал командир.

— Я согласен! — ответил Магомет.

— Ну, что ж, пусть будет так! А теперь приступим к обсуждению плана операции.— Командир склонился над картой.— Здесь лагерь, это — огневые точки, точнее — пулеметы. Здесь казарма, дорога, мост, а здесь линия связи... Я предлагаю группе Мехмета напасть вот с этой стороны. Если все пройдет успешно, остальные блокируют лагерь с двух сторон. Все будет зависеть от быстроты и согласованности действий! Главное — застать немцев врасплох. Есть вопросы?

— Разрешите!

— Пожалуйста, товарищ Османов!

Магомет подошел к карте.

— Вот здесь, над дорогой, нависает большая скала. Если нам не удастся сразу найти линию связи и вывести ее из строя, предлагаю взорвать скалу. Дорога будет завалена, и подкрепление фашистам подойдет не скоро. Вдобавок можно еще и пристрелять этот участок дороги.

— Четырех бойцов достаточно для этого?

— Думаю, да.

— Хорошо,— согласился командир.

Задание поручили группе подрывников.

На следующий день командир пригласил руководителей боевых групп к себе.

— Сверьте часы секунда в секунду,— сказал он.— Мехмет, с первым выстрелом твоих бойцов мы начинаем штурм с восточной стороны лагеря. А ты, Магомет, вот с этим юношей будешь держать под прицелом главную вышку охраны. Дело снайперское — промах, сами понимаете, нежелателен. Главное — заставить замолчать пулемет, а потом действуйте по обстановке. Повторяю: штурм начнем после первого выстрела.

В условном месте, где тропа круто сворачивала в долину, группы разделились. Командир положил руку Магомету на плечо и сказал по-русски:

— До свидания, пусть все будет хорошо!

— До свидания! — ответил Магомет.

И вскоре партизаны исчезли в лесной чаще.

Предвечернее солнце косыми лучами освещает лагерные вышки. Спокойно на площади лагеря. Только возле казармы стоят два серых грузовика да поодаль — черный легковой автомобиль.

Магомет со своим спутником быстро переехали полосу низкого кустарника и залегли за поваленными деревьями.

— Я сразу понял, что вы — снайпер,— шепнул юноша.

— Но ведь я еще не стрелял!

— Автомату винтовку предпочитает тот, кто хорошо с ней знаком.

— Пожалуй, ты прав,— ответил Магомет, не отрывая взгляда от вышки.— Ну-ка, друг, взгляни своими молодыми глазами туда. Видишь что-нибудь?

— Вижу. Что-то блестит.

— Да,— сказал Магомет,— и каска блестит, и пулемет блестит, все блестит,— и он осторожно навел винтовку на вышку.

Юношу поразило спокойствие Магомета, как будто он находился в тире и ждал своей очереди.

— Вы совсем не волнуетесь?

— Потом будем волноваться, еще успеем.

— Удивительно,— сказал юноша, поглаживая ствол своего автомата.

Ждать пришлось недолго. Бойцы из группы Мехмета после дружного залпа бросились вперед. И в ту же минуту сраженный выстрелом вражеский пулеметчик повис на деревянной ограде вышки.

Бросились вперед и Магомет со своим юным другом. Очередь юноши сразила немца, пытавшегося подняться на вышку к пулемету.

— У тебя тоже неплохо получается,— похвалил его Магомет и вдруг крикнул: — Ложись! Ворота!

Двое, выскочившие из будки, открыли огонь из автоматов. Но граната Магомета заставила их замолчать.

Часть бойцов устремилась внутрь лагеря. Остальные бросились к казарме.

В бою Темирбаш обретал то странное чувство, когда исчезают страх и волнение и все существо подчиняется одной-единственной цели. Приклад его винтовки снова и снова обрушивался на фашистских солдат. Но вдруг сзади на Магомета кинулся долговязый солдат и обхватил его шею крепкими ручищами. Пригнувшись, Магомет попытался опрокинуть противника, но внезапно перед его глазами мелькнуло лезвие финки. В тот же миг немецкий солдат осел. Это приклад винтовки Мехмета пришелся ему по железной каске.

— А ты не очень-то осторожен,— заметил Мехмет и тут же бросился к воротам лагеря, где уже подходила к концу дерзкая операция партизан.

Быстро собрав боевые трофеи — автоматы, пулеметы, гранаты, партизаны подожгли фашистский лагерь и стали быстро отходить.

До заката солнца оставалось немного времени, и за дальними холмами горизонт уже окрасился в розовый цвет. Прохладный ветерок прошелся по ложине, освежая разгоряченные лица бойцов. Вокруг стояла такая тишина, словно не было здесь час назад жестокого боя.

Но внезапно вдаль послышалось все нарастающее гудение, и вражеский самолет низко пролетел над партизанами. Никто не успел укрыться, хотя до леса оставалось

шагов двести. Вдобавок кто-то самовольно пустил автоматную очередь по самолету. Немецкий самолет совершил еще один круг, потом взмыл круто вверх и исчез за облаками.

— Ну, теперь держись,— сказал командир отряда, шагавший рядом с Магометом,— они нам не простят нашей дерзости.

— Это уж точно, шуму наделали немало,— подтвердил Магомет.— Наверняка пришлют карателей.

— Да, брат, надо подготовиться к обороне. Ну ничего, такое уже бывало,— спокойно добавил командир.

С первого же дня знакомства понравился Магомету этот человек. Он был немало удивлен, узнав, что боевой вожак партизан до войны был... артистом-трагиком и играл даже Гамлета. Но когда началась война, он стал одним из зачинателей вооруженной борьбы против ненавистных оккупантов. Командир прекрасно владел русским и немецким языками и во время привала часто читал стихи Пушкина и Гейне. А сейчас рядом с Магометом шел молчаливый человек с глазами мудрыми и печальными. Совсем недавно каратели сожгли его дом и зверски убили жену и мать.

VI

В ту же ночь по приказу командира отряда бойцы перенесли стоянку лагеря в глубь ущелья и начали строить оборонительные укрепления над каменной дорогой, поднимающейся к перевалу.

Прохладный ветер шевелит тонкие ветви молодых деревьев, ласкает лица часовых. А у костра, где лежат раненые бойцы, нежный женский голос напевает грустную песню.

Полулежа возле мшистого камня, Мехмет задумчиво потягивал свою глиняную трубку, с которой не расставался, даже отправляясь на задание. Он часто говорил, что уже пятнадцать лет носит ее с собой — фамильная реликвия. Еще в турецкую войну дед курил из нее настоящий турецкий трофейный табак.

— Очень грустна песня этой девушки,— сказал Магомет, подсаживаясь к другу.— Слов не пойму, но чувствуете, что у нее большое горе.

— Да, брат... у нашей Марианны недавно фашисты убили жениха. Замечательный был парень, на редкость отчаянный и дерзкий. После каждого боя сочинял песни своей Марианне и пел их, сопровождая себя на старой мандолине.

Мехмет вздохнул, глубоко затянулся и продолжал:

— А перед последним своим боем он говорил, что, как кончится война, они с Марианной вместе поедут учиться в Москву... Удивительно, что этот совсем не похожий на война юноша был самым метким стрелком. Многие даже злились. Бывалые воины переживали, что вчерашний школьник может их посрамить. Но видел бы ты, как они плакали, когда вынесли его с поля боя мертвого.

— И мне пришлось немало пережить,— заметил Магомет.— Смерть друзей, близких... Но не могу забыть одного паренька из кавалерии, незнакомого джигита — все стоит перед глазами... Проклятое это дело — война, Мехмет!

— Да, проклятое... И потери эти — самые страшные. Каждый раз чувствуешь себя виноватым, что не смог уберечь, не прикрыл... Ведь не для войны были созданы эти люди. Скажу откровенно: когда я впервые убил немца, всю ночь не спал. Но когда в обгорелом деревенском доме я увидел трупы детей, то про все забыл. Только вместе с жизнью уйдет из моей памяти это страшное зрелище.

Мехмет долго молчал, глядя на усыпанное мерцающими звездами небо. Потом выбил из трубки табак и сказал:

— Мне кажется, что целый век не был в родной Черногории, хотя она совсем рядом. За день верхом можно доскакать. Ждет меня там невеста... Лучших музыкантов созову — такую свадьбу закачу, какой не видел во всей округе! Если ты не видел, как у нас играют свадьбы, значит, не видел настоящей свадьбы.

— Ну, ты это говоришь, потому что не был на Кавказе. Земля ваша красива — спору нет. Но ты ведь не видел нашей Черекской теснины, где смотреть на облака сверху — дело привычное. А что касается свадьбы, то приезжай к нам — сам тогда увидишь, что такое кавказская, горская свадьба.

С гор подул свежий ветер, и стало прохладно. К друзьям подошел командир отряда. Он был в пальто с поднятым воротником, без шапки.

— Так и знал! Если встретятся два горца, то беседа — до утра. А надо бы поспать. Завтра, может случиться, будет дело пожарче.

Командир ушел к раненым, а друзья долго еще не могли уснуть. Каждый думал о своем.

VII

Когда командир и его боевые друзья сидели за картой и обсуждали план предстоящей битвы, в палатку вошел часовой и доложил, что боец Нигматуллин хочет поговорить с командиром.

Все переглянулись, а командир велел юноше пропустить Нигматуллина.

Асат вошел в палатку слегка прихрамывая, но с бодрой улыбкой на бледном лице.

— Товарищ командир партизанского отряда, майор Красной Армии Нигматуллин прибыл в ваше распоряжение!

— А как же... нога? — спросил командир.

— В порядке! Лекарства и забота вашего врача вылечили меня полностью.

— Ну что ж, товарищ майор, здесь старше вас по званию никого нет... Как я могу вам приказывать, — улыбнулся командир.

— Ничего, я подчинюсь, — тоже весело ответил Асат. — В звании ли дело?..

— В таком случае отдаю в ваше распоряжение два десятка молодых — командуйте! К тому же, если товарищи не возражают, назначим вас членом штаба отряда. У нас, знаете, военного образования никакого. Так что на вас возлагаем большие надежды! Подойдите, товарищ майор, к карте, а Васелин введет вас в курс дела. Остальные же товарищи пойдут и проверят огневые точки еще раз.

Асат с Васелином склонились над помятой, кое-где порванной картой, обвели дорогу к перевалу и сделали пометки на важнейших участках.

— Они могут нас обстрелять вот здесь,— указал командир,— а сюда, возможно, направят горных стрелков. Опытные вояки, уже имели с ними дело... Зато на этой высоте мы сможем контролировать изрядную часть дороги и этот склон, если нас попробуют обойти с фланга.

— Мне кажется, они от своей техники далеко не уйдут,— сказал Асат, внимательно вглядываясь в карту.— Нельзя ли их заблокировать здесь, взорвав дорогу, а этот мост держать под обстрелом?

— Пожалуй, можно. Но вот, посмотри сюда... Здесь, над дорогой, нависает каменистый склон, а камни очень неустойчивы...

— Я понял все, это может пригодиться. Пусть и камни вашей земли сражаются.

— Мы-то все предусмотрели,— скептически заметил Васелин.— Но и немец тоже не простак, он тоже любит обстоятельность. Интересно бы знать, что он-то затевает?..

* * *

Карательный отряд немцев недолго заставил себя ждать. К полудню ущелье заполнилось нарастающим гулом. Это были фашистские мотоциклисты и грузовики с автоматчиками. Солдаты сидели в кузовах машин ровными рядами, поблескивая железными касками, словно не сражение на чужой земле их ожидало, а парад.

— Вот этот, с серебряными погонами,— мой, а ты швырни гранату в следующих. Идет? — сказал Магомет, прицеливаясь в едущего впереди офицера.

— Идет,— отозвался Мехмет.

И в тот же миг ущелье содрогнулось от винтовочных выстрелов, автоматных очередей, взрывов гранат.

Обхватив голову, свалился командир карательного отряда, но мигом спешившиеся автоматчики бросились врассыпную и открыли огонь в сторону, откуда полетели гранаты Мехмета. Тем временем группа Асата Нигматуллина открыла огонь с тыла карателей. А по другую сторону дороги на вражеских солдат обрушился камнепад.

Каратели быстро оправились от замешательства и бросились в бой, штурмуя огневые точки партизан. А некоторые из них начали взбираться по крутым скалам, чтобы выйти в тыл партизанским снайперам.

Прижавшись к холодному мшистому камню, Магомет ведет огонь. А на сердце беспокойно... Немцы поняли, что нигматуллинская группа может обойти их сзади, и повернули пулемет в их сторону. Но четверо смельчаков, перебегая от дерева к дереву, стали приближаться к вражеским пулеметчикам. Швырнув гранату, они бросились в рукопашный бой. Силы были неравные, и Магомет ринулся вперед, в гущу сражения, работая прикладом винтовки. И вдруг дюжий каратель с ножом в руках двинулся ему навстречу. Ловко уклонившись от приклада винтовки, он бросился на Магомета. Сверкнул кинжал над его головой, задев лицо, но в тот же миг на голову немца обрушился тяжелый обломок камня. Обхватив окровавленное лицо, Магомет попятился назад и вдруг почувствовал, что силы покидают его. Он споткнулся и упал, ударившись головой о ствол дерева. Автоматные очереди, стоны и крики стали постепенно удаляться, а небо вдруг заволокло красной пеленой...

«Магомет, Магомет», — словно издавдалека услышал он полузабытый женский голос. Где он слышал этот голос? Да, да... вспомнил. Он возвращался с горного пастбища. Крутая каменистая тропа у реки была скользкой от свежерастаявшего снега. Споткнулся верный конь, и он оказался в холодной, студеной воде. Потом он болел... Бредил в сильном жару. А она сидела ночи напролет у его изголовья и все повторяла: «Только не умирай». Магомет усилием воли вспомнил ее глаза, полные слез, отчаяния, надежды. «Любимая, как же ты страдала и как радовалась потом, когда убедилась, что смерть миновала меня. А теперь ты, может быть, уже оплакиваешь меня... Нет, ты ждешь. Надеешься и ждешь. А меня хранит твоя любовь».

— Магомет... Магомет, скажи хоть слово. Все позади. Мы снова победили, Магомет. Открой же глаза.

— Марианна... Это ты? Марианна, где я? Что случилось?!

— Мы уже в лагере. Ты потерял много крови. Но теперь все позади.

— Друг мой, держись! Ты был львом! — сказал Асат.

— Ты и есть лев,— сказал боец с перевязанной головой.

— А, командир,— промолвил Магомет.— Как я рад, что вы все живы! И ты, Асат, и ты, Марианна, и ты, командир. Болит голова... Очень они изуродовали мое лицо?

— Ничего, Магомет, рана не опасная, а ты прекрасен, как и раньше,— сказала Марианна своим певучим голосом.

В это время в землянку вбежал Мехмет. Он был возбужден и размахивал какой-то бумажкой.

— Только что получена радиограмма из Центрального штаба! Слушай, Магомет! Все слушайте: «За героизм, проявленный при уничтожении фашистского карательного отряда, военнослужащим Советской Армии Магомету Османову и Асату Нигматуллину объявить благодарность. Смерть фашизму! Да здравствует победоносная Красная Армия — Армия освободителей!»

— Ну, как? — сказал Мехмет, широко улыбаясь и внимательно всматриваясь в усталые глаза Магомета.— Неплохо для начала, а?

— Спасибо, дорогие мои,— сказал Магомет почти шепотом, и голос его дрогнул.— Неплохо... неплохо. Совсем неплохо.

И хотя Темирбаш не отличался особым тщеславием, ему очень хотелось, чтобы в эту минуту о нем узнали все односельчане: жив сын родных гор, сражается Магомет Османов!

— Советские войска, Магомет, начали наступление в направлении балканских стран,— счастливо улыбаясь, сказала Марианна.

— Близок день встречи с вашими воинами, Магомет, близок день победы! — добавил командир.

— Прошу вас, повторите...— прошептал Магомет.

И пока Марианна перечитывала радиограмму, он, приподнявшись на локте, слушал, не отрывая взгляда от ее губ.

VIII

Вскоре пришло распоряжение — всем отрядам объединиться и поддержать наступление Советской Армии. Все чаще краснозвездные самолеты сбрасывали партизанам оружие и боеприпасы, лекарства и продукты, вселяя в сердца людей уверенность в близкую победу.

И вот однажды, когда фашистские каратели перешли в наступление, из-за облаков донесся рокошущий гул.

— Ну, брат, держись,— сказал Мехмет, вглядываясь в небо.— Жаркую баню хотят нам устроить... Видно, позвали на подмогу своих ястребов.

Но вдруг над траншеей пронесся радостный крик:

— Русские!

— Русские самолеты!

Спикировав, самолеты пролетели почти над головами фашистов, затем зашли на второй круг и обрушили на захватчиков шквал огня. Тяжелые бомбы со свистом полетели на вражеские танки, на военные грузовики. А когда самолеты улетели и остатки недобитых фашистов попытались вновь перейти в наступление, из-за ближних холмов донесся грозный рокот моторов. Это легендарные «тридцатьчетверки» бросились в бой, в упор расстреливая вражеские танки. И когда советские пехотинцы и югославские партизаны, объединившись, дружно ударили по врагу, фашистам бежать было уже некуда.

После боя ликующие партизаны окружили советских воинов. Они обнимали их и качали, восторженно приветствуя боевых друзей. А танкисты пожимали десятки протянутых к ним рук и улыбались, усталые и счастливые.

Наконец кто-то заметил Магомета, стоявшего рядом, и крикнул:

— Дайте же землякам поздороваться!

— Верно говорит!

— Вот, танкисты,— ваш воин! И ваш, и наш!

Магомет крепко обнял рыжего кудрявого паренька. На глазах у него заблестели слезы, но он и не пытался скрыть свое волнение и только шептал:

— Долго я ждал этого дня, целую вечность...

В югославской деревне еще праздновали победу, а советские воины уже собрались в путь. Майор Советской

Армии Асат Нигматуллин и боевой друг его Магомет Османов примеряли гимнастерки и пилотки с красными звездочками. А командир партизан и Марианна суетились вокруг них, словно провожали в гости. С грустью и любовью смотрели на своих боевых друзей Мехмет и Васелин.

И вот настала пора расставания.

— Спасибо, Марианна, спасибо, братья мои! — растроганно говорил Магомет. — За тепло ваших сердец, за хлеб и воду вашей прекрасной страны — спасибо! Когда я вернусь на родину, я всем расскажу о вас. Мы еще встретимся под мирным небом Югославии!

Он вскочил на грохочущий танк и в последний раз посмотрел на дальние горы, на лица товарищей.

— До скорой победы, друзья!

* * *

Прошли годы. Как и прежде, теплые лучи солнца играют в стремительных водах древнего Черека и высоко в синем небе парит могучий орел. А в горах, в родном ауле, живет молва о легендарном джигите революции, славном Темирбаше.

«Смерти нет для Темирбаша!» — говорят люди.

Живы легенды — бессмертен герой. И эта повесть посвящается памяти храброго горца Магомета Османова — Темирбаша.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	3
Часть вторая	43
Часть третья	69

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Эльдар Бертович Гуртуев

ТЕМИРБАШ

Повесть

ИБ № 4952

Ответственный редактор Г. А. АЙ-АРТЯН
Художественный редактор Е. М. ЛАРСКАЯ
Технический редактор М. В. ГАГАРИНА
Корректоры Г. В. ДАВЫДОВА
и Н. Г. ХУДЯКОВА

Сдано в набор 18.09.80. Подписано к печати
07.01.81. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1.
Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л.
5,04. Уч.-изд. л. 4,82. Тираж 100 000 экз. Заказ
№ 2298. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер.,
1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика
«Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Го-
сударственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. Москва,
Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Гуртуев Э. Б.

Г95 Темирбаш: Повесть/ Пер. с балкарского Э. Гуртуева и М. Тарловского; Рис. Г. Алимова.— М.: Дет. лит., 1981.— 94 с., ил.

В пер.: 30 коп.

Повесть о легендарном герое балкарцев, участнике гражданской и Великой Отечественной войн. *М. Османов*

Г 70803—083
М101(03)81 326—81

С(Кав)2